

АНДРЕЙ МАРТЬЯНОВ

ВРЕМЯ ВЕСТНИКОВ

Вестники времен

Андрей Мартьянов

Время вестников

«Лениздат»

2008

Мартьянов А.

Время вестников / А. Мартьянов — «Лениздат»,
2008 — (Вестники времен)

Долго ли, коротко ли, а миновал целый год с того дня, когда «дракон Люфтваффе» совершил вынужденную посадку на мирной полянке баронства Фармер в Нормандии. А год выдался сногшибательный: с раскрытыми тайнами, войнами, покушениями, изменами, обретениями и утратами. Серж де Казакофф стремительно делает карьеру при дворе Ричарда Львиное Сердце, а вот дела Гунтера фон Райхерта день ото дня все хуже. Великая игра за право обладания коронами Европы и Азии близится к финалу... Вожди крестоносцев и сарацин встречаются рядом с городом Аккой. Кто одержит победу? Или победы не существует, но есть только бесконечная история, меняющаяся с каждым новым мгновением? Наступает Время Вестников – время свободного выбора, время решений, время, когда Высшие Силы больше не подталкивают людей в нужном направлении...

© Мартьянов А., 2008

© Лениздат, 2008

Содержание

Пролог	5
Часть первая	12
Глава первая	12
Глава вторая	27
Глава третья	41
Глава четвертая	53
Глава пятая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Мартьянов

Время вестников

Благодарности:

Марине Кижиной-Стариковой и Кириллу Старикову – неизменным соавторам, сумевшим довести долгий труд до логического завершения

*Посвящается всем участникам шумного исторического карнавала.
Маски, мы вас знаем!..*

*«– А кто у нас нынче враг народа Божия?»
Умберто Эко, «Имя Розы».*

*...А где-то позади, за далью и за пылью,
Остался край чудес: там человек решил,
Что он рожден затем, чтоб сказку сделать былью –
Так человек решил, да видно, поспешил.
Ведь сказку выбрал он с печальной развязкой,
И призрачное зло в реальность обратил.
Теперь бы эту быль обратно сделать сказкой –
Да слишком много дел и слишком мало сил...*

В тексте использованы стихи: М. Щербакова, М. Кузмина, Л. Бочаровой, Е. Сусорова.

*Как-то вечером патриции
Собрались у Капитолия –
Новостями поделиться и
Выпить малость алкоголя...*

Пролог

Письма из Империи

Из переписки патрикия Исаака-Михаила-Никиты Ангела, проживающего в Константинополе, с его сводной сестрой Елизаветой-Теодорой Ангелиной, в замужестве маркграфиней ди Анджело де Монферрато, проживающей в Тире.

Письма написаны рукою патрикием в период августа-ноября месяцев 1189 года.

Письмо первое, доставленное греческим торговым кораблем.

Дражайшая сестрица!

Опуская необходимые изъявления приязни и уверения в неизменной сердечной привязанности, вынужден обратиться к тебе с настоятельной просьбой.

Умоляю, сделай одолжение и повлияй на назойливого варвара, за которого тебя угораздило выскочить замуж! Объясни ему, что я не желаю (два последних слова выделены красными чернилами и подчеркнуты) принимать ни малейшего участия в его сумасбродствах. Так что он может одним махом сократить свои расходы на всяческого рода конфиденентов, которых он упорно

присылает в мой дом. Я не желаю с ними разговаривать – да-да, не желаю, так ему и передай! Если он пришлет еще кого-нибудь, клянусь, велю затравить его собаками! И пусть потом не жалуется!

Дорогая Тео, я всегда подозревал, что склонность ко всяческому рода авантюрам у франков в крови. Вероятно, они с нею рождаются. Сие отнюдь не означает, что все остальные должны следовать их извилистой дорогой. Чужеземцам трудно, порой почти невозможно понять и принять смирение обитателей Империи перед ликом власть предержащих.

Базилевс, каков бы он ни был – власть, ниспосланная нам от Бога. Если он плох как правитель – это всего лишь означает, что Всевышний в очередной раз решил испытать нашу кротость. Высочайшая немилость подобна грозе: пошумит и стихнет. Молись только, чтобы она не задела тебя краем черного крыла. Моя нынешняя жизнь меня вполне устраивает. Небольшой доход от виноградников, дом на Малой Месе, круг испытанных друзей и фамильная библиотека – вот все, что мне нужно.

Упаси меня Господь от политических игр и плетения интриг. Стремление запечатлеть свои имя на скрижалях истории порой обходится слишком дорого.

Постарайся растолковать это своему супругу – а то, похоже, он никак не возьмет в толк. Думает, ежели ему посчастливилось вырвать у арабов Тир, то он кесарь и Господь Бог в одном лице. Его ненаглядный Тир – всего лишь город в исконно имперских владениях. Пусть и захваченных сейчас неверными. Настанет день, и утраченное возвратится обратно к подлинным хозяевам.

Вижу, вижу, ты недовольно хмуришься. Тебе никогда не нравились мои воззрения на бестолковую суету франков вокруг Иерусалима. С тех пор, как ты самоуверенно решила связать свою жизнь с Конрадом, ты стала настоящей верной католичкой. Истребление неверных, освобождение Святого Града и прочие благоглупости.

Все-таки родная кровь – это удивительно. Даже если ты пребываешь на берегах совершенно другого моря, в сотне дневных переходов от меня, я все равно догадываюсь, о чем ты думаешь.

О том, что непутевый старший братец непременно должен повесить себе на шею супружеское ярмо.

Кстати, о ярме. Помнишь Склиров, владельцев соседствующей с нами усадьбы? Наш покойный папенька еще носился с замыслом женить меня и младшую Склирену. Услышав его предложение в первый раз, я пришел в ужас. Посуди сама, на кой мне сдалась эта желчная и мрачная юница? К тому же с унылой физиономией, более подходящей дряхлой сирийской верблюдице. Готов поспорить, ее никогда в жизни не приглашали любоваться восходом луны над площадью Августеон.

Потом почти одновременно отдали Богу души наш почтенный родитель и стратиг Александр Склир (этого прикончили в боях где-то на южных границах с Персией), а ты, отрада моих очей, укатила со своим муженьком покорять Святую Землю. Вот тогда мне и пришло на ум, что в рассуждениях нашего отца крылось зерно здравомыслия. Воистину, как это верно – соединить брачными узами две старейшие семьи Империи, Ангелов и Склиров (заодно пополнив нашу тающую казну – но это я добавляю исключительно для тебя).

Ничего хорошего из моих добрых намерений не вышло. Самоуверенная нахалка отказала. Не сходя с места и не раздумывая. Я повторил попытку

на следующий год, решив подождать, пока девица одумается, насладится полученной свободой и перебесится.

Она отказала снова.

Как несказанно измелечало все в нашем мире, дорогая моя Тео!.. Столетие назад подобные резкие слова неизбежно привели бы к кровопролитной вражде между нашими семьями. Теперь же я мог лишь кротко высказать свое мнение о том, сколь дурно сказалось на ее манерах отсутствие надлежащего воспитания.

Моя несостоявшаяся невеста непочтительно фыркнула и удалилась. Было это, дражайшая сестрица, ровно три года назад.

Спустя два или три месяца моя соседка пропала. Не выскочила замуж и не уехала жить в провинцию, не удалилась от мира в монастырь. Просто исчезла. Перестала показываться в гостях и на представлениях, посещать празднества и Ипподром, словно и не было никогда девицы Склирены. Вести дела в усадьбе она оставила своего младшего брата Алексиса (ты знаешь мое невысокое мнение об этом, с позволения сказать, литераторе, вернее, марателе пергаментов) и старого управляющего Льва.

Общими усилиями эти двое быстро превратили почтенное имение Склиров в вертеп и лупанарий. Каждый вечер и каждую ночь – праздники с актерками и певичками, мимы, комедианты, фейерверки, вопли, грохот! Прислуга окончательно распустилась, тащит все, что подвернется под руку, да еще и обкрадывает нас!

Каплей, переполнившей чашу моего терпения, стала трагедия с фазанами и катаяйскими анемонами. Фазанов передушила удравшая гончая наших соседей. Рассаду анемонов, обошедшуюся мне едва ли не по номизме штучка, подчистую сожрали кролики. Кто-то из склировой челяди, видите ли, забыл запереть клетку.

Избавляю тебя от описания долгого скандала, в котором, помимо меня и Склиров, оказался замешан квартальный надзиратель, спешно прибывший чиновник из управы эпарха и еще с десятков разнообразных личностей, не считая зевак и добровольных советчиков. Алексис уперся не хуже рыночного осла – хотя полсотни золотых монет вполне возместили бы мою утрату. Твой братец оказался по уши в судейских дрязгах. Наш дом осажден стряпчими и адвокатами, «Дело о потраве» уже дважды слушалось во дворце на площади Юстиции, и конца-краю этому не видно.

Однако вскоре мне в голову пришел неплохой способ избавиться от досадного соседства и законников-вымогателей. Будучи на день святой Ирины в гостях у достойного семейства Вранасов, я доподлинно разузнал: творческий зуд Алексиса толкнул его на выпуск сборника басен и сатир собственного сочинения. Анонимного, разумеется – даже у пустоголового горе-литератора достанет ума не подписывать подобное творение. Милейшая Ираида Вранаса по доброте душевной одолжила мне сию книжицу, и я провел замечательный вечер за чтением.

Должен признать, некоторые из опусов Склира не лишены остроумия. Скажем, тот, в коем повествуется о старом козле, возжелавшем стать супругом табуна юных газелей. Намек более чем прозрачен. С оказией непременно вышлю тебе копию. Уверен, тебе понравится. А твоему супругу понравится еще больше. Как всякий варвар, он наверняка испытывает тягу к простым грубым шуткам.

Дочитав до конца, я аккуратнейшим образом пометил строки, могущие служить указанием на сильных мира сего и всячески порочащие их достоинство. Уложил книжицу в пакет, снабдив ее указанием на Алексиса Склира как на подлинного творца мерзкого фамуса. Традиционно подмахнув письмо прозвищем неуловимого и всезнающего Обеспокоенного Верного Подданного, я на следующее же утро отправил мой подарок в Высокий Цензорат. Остается ждать, как скоро воспоследуют результаты. Благодарение Господу, жернова Закона в Империи пока еще крутятся безукоризненно.

Приписка. Предпринял некоторые шаги для того, чтобы выяснить, куда все-таки столь таинственно сгинула младшая Склирена. Можешь себе представить, Тео, мои осведомители уверяют, якобы она имела неосторожность спутаться с окружением епарха нашей столицы, престарелого и премудрого Дигениса, правой руки базилевса! Всякие там лазутчики, конфиденцы, охотники за чужими секретами и жизнями. Никогда не понимал, отчего некоторые восторженные молодые люди находят подобное низкое ремесло неотразимо романтичным?

У Склиров тяга к подобным выходкам, впрочем, является семейной чертой. Сколько веков за ними тянется мрачная слава отравителей, подстрекателей и заговорщиков? Уверяют, якобы моя соседка удалилась из Империи именно по велению грозного старца, отправившись во владения франков, в захваченный ими Вечный город Рим, поближе к престолу тамошнего первосвященника. Сеять смуту и рознь, надо полагать. Надеюсь, франки ее поймают и вздернут. Отдав предварительно на потеху десятку северных варваров.

С наилучшими пожеланиями здоровья и всемерного благополучия, твой любящий брат Исаак.

Письмо второе, отправленное голубиной почтой.

Дорогая!

Мое сумрачное существование внезапно озарилось солнечным лучом. Дерзких и злоязыких Склиров настигла карающая длань Закона! Не далее, как три дня назад, к ним наведались Алые Плащи, дворцовая гвардия.

По удивительному стечению обстоятельств, я как раз в тот миг сидел на террасе, услаждая свой ум чтением одного познавательного трактата. Так что вся сцена развернулась передо мной, как на лицедейском представлении. Пьеса развивалась согласно эллинским канонам: громогласное чтение указа базилевса «Во имя отца, и сына, и святого духа, моя от Господа державность повелевает...», искреннее недоумение и возмущенное заламывание рук арестовываемого, небольшая потасовка. После вульгарного шумства, изрядно оскорбившего мой слух, Алексиса выволокли на двор и затолкали в закрытые носилки. Кажется, он пребывал без сознания. В какой-то миг я ощутил подобие искреннего сочувствия к неудачливому отпрыску некогда великого семейства. Даже произнес предписанную для таких случаев молитву Богородице «Мольба о заступничестве для страждущих и пребывающих в узилищах».

Доблестные ликторы немного погоняли челядь Склиров, спалили какой-то сарай на задворках и с чувством выполненного долга удалились.

Ликованию моему нет предела! Наконец-то я смогу вести подобающий мне размеренный и добродетельный образ жизни, не нарушаемый ночными воплями и разгульными полуночными празднествами! В приливе радостного

энтузиазма я отправился на очередное слушание тяжбы «Ангел против Склира», добившись ее разрешения в мою пользу. Разве я не умник, дорогая сестрица? Теперь бы еще прирезать выморочное имение к нашим владениям – а оно наверняка вскоре будет объявлено таковым по смерти держателя – и нынешний год можно считать прожитым не зря!

Три тысячи благословений на твою очаровательную головку. Можешь лишний раз поцеловать своего варвара, передав ему привет лично от меня. Надеюсь, это немного подпортит ему настроение на остаток дня. Твой Конрад всегда терпеть меня не мог. Не понимаю, отчего? Разве я не являл по отношению к нему образчик кротости и хороших манер? Даже, следуя твоей настойчивой просьбе, доносов на него не писал. Кроме одного-единственного случая, но согласись, он того заслуживал! И ты меня давно простила, не так ли, милая Тео?

Письмо третье, обнаруженное экспедицией Королевского археологического общества Великобритании в 1872 году при раскопках в квартале Галата. По неизвестным причинам патрикий не сумел или не успел отправить пакет адресату.

Обожаемая моя Тео!

Вынужден заметить, в последнее время ты пренебрегаешь своим долгом любящей родственницы. Пишешь редко и коротко, а твои записочки добираются ко мне так неторопливо... Надеюсь, мои ответы достигают тебя? Из понятных тебе соображений опасаясь доверять письма служащим государственной почты, я вынужден переправлять их со всяческого рода оказиями.

В богоспасаемой Империи кое-что переменялось, кое-что пребывает в неизменности. Золотой Кубок осенних бегов этого года на Ипподроме вопреки ожиданиям и предсказаниям достался не признанному фавориту, а упряжке какого-то киликийского провинциала. Соединенные общим горем, партии Зеленых и Голубых примерно наказали дерзеца, заодно учинив безобразное побоище с городской стражей.

Из-за высоких стен Палатия расползаются нехорошие слухи. Базилевс Андроник в очередной раз сильно невзлюбил своих подданных и предается размышлениям, на ком бы отвести душу (*фраза старательно вымарана*). Царственный опять рыщет в поисках заговорщиков. По его слову таковых разыскивают как в Палатии, так и за его пределами. Дворцовая стража уже многим нанесла внезапные визиты, и после тех визитов воздух столицы наполнился плачем, скрежетом зубовым и стенаниями.

На восточных границах имели место многочисленные стычки с дикими племенами – изрядное число батальев закончилось для Империи позорным поражением. Домоправительница нынешним утром принесла с рынка достоверный слух о том, что германские варвары во главе со своим королем по прозвищу Барбаросса достигли города Средец, болгарской столицы и двинутся дальше, через Балканские горы.

Правитель англо-Риккардо, коего соплеменники неведомо за какие достоинства окрестили Львиным Сердцем, умудрился совершить истинный подвиг. Сей крестоносный воитель захватил благословенный остров Кипр и то ли пленил, то ли убил тамошнего самозваного кесаря, Исаака Комнина, родича базилевса. Среди корабельщиков и торгового люда царит сдержанное

ликование: пиратские грабежи Исаака Кипрского у всех, как кость в горле. Отпиши поскорее, правда ли это?

В первой декаде ноября неожиданно выпал мокрый снег, на несколько часов преобразивший город в дивной красоты картину. Вообрази только, Тео: наш старый сад, припорошенный серебром, еле различимые в мерцающей пелене купола и крыши... Море налилось тяжелой свинцово-серой краской и подернулось призрачным туманом, корабли в Гавани выглядели грязными скорлупками. Долетавший с Августеона колокольный звон казался приглушенным и надтреснутым. Печаль, разлитая повсюду божественная печаль о великом граде, раскинувшемся на берегах Мраморного моря...

Ничто не нарушало сей благолепной картины... кроме моих досадных затруднений с желудком. Я тут нанял нового повара, родом из Персии. Ты не представляешь, Тео, что он способен сотворить из куска самой обыкновенной баранины! Единственный его недостаток – стремление добавлять в любое блюдо такое количество специй, что скоро остатки нашего семейного состояния перекочают к гильдии торговцев пряностями.

Пребывая в состоянии душевной меланхолии, я поднялся наверх, на террасу, дабы предаться лучшему из занятий – составлению письма к тебе, дорогая сестрица. Помнишь, сколько дивных вечеров мы провели здесь вдвоем, пока тебе не втемяшилось в голову... Впрочем, довольно. Ты поступила, как сочла нужным.

С радостью извещаю тебя, что после долгих хлопот и мытарств, растянувшихся едва ли не на месяц, я нахожусь в двух шагах от приобретения прав на землю и усадьбу Склиров Младших. Проволочка вызвана тем обстоятельством, что Алексис Склир вроде бы еще находится среди живущих, а сестра его пропадает в нетях. Изнуряемый нетерпением, я подумывал нанять актрису, дабы та исполнила роль Склирены в маленькой пьесе для обитателей Дворца Юстиции, но не отважился. Ежели та и в самом деле трудится в ведомстве епарха, мой маленький подлог может обойтись мне слишком дорого. Подожду официального оповещения о кончине Склира, и уж на следующий день отправлюсь в Счетную Палату. Как объяснил нанятый мною законник, правами девицы Склирены в этом случае можно смело пренебречь: во-первых, она женщина, во-вторых, ну какие права могут быть у члена семьи казненного за подрыв основ существования благословенной Империи?

Как положено рачительному хозяину, я наведалься осмотреть наше будущее владение и отдал указания по приведению его в надлежащий вид. За время отсутствия Склира бродяги или разбежавшиеся слуги расхитили часть имущества. Конечно, было бы самоуверенной глупостью рассчитывать на владение казной Склиров – она наверняка отойдет государству. Но кое-какие ценные мелочи мы вполне можем перенести к себе в усадьбу. Для лучшей сохранности, так сказать. Все равно они достанутся нам. Истинного сожаления достойно исчезновение управляющего имением, ты наверняка должна его помнить. Мы с тобой прозвали его Старым Львом, хотя он был отнюдь не так уже дряхл. Он был весьма и весьма толковым домоправителем, хотя и потворствовал Алексису в устроении его шумных празднеств...

Привлеченный непонятным шумом внизу, патрикий отложил перо и бросил скучающий взгляд через каменную балюстраду террасы. Увиденное так его поразило, что почтеннейший Исаак-Михаил Ангел вскочил, с грохотом опрокинув табурет, и заметался, явно не зная, куда кинуться – то ли к ведущей вниз лестнице, то ли к двери во внутренние покои. Один раз он

подбежал к самым перилам и перевесился через них, испуганно вытаращившись на вымощенную гранитом площадку внизу.

Источник размеренного шума приблизился. Сквозь ветви облетающих деревьев можно было различить, что по широкой аллее сада бодро марширует пятерка гвардейцев в алых плащах и форме, копирующей римскую. Возглавлял их кривоногий десятник с надраенной бронзовой бляшкой посланца Палатия «при исполнении». Сбоку семенил чрезвычайно перепуганный челядинец Ангела, заполошно размахивая руками и непрерывно тараторя.

Взгляд патрикия остекленел. Он попытался, наткнулся на стол. Вцепился в перо, как утопающий – в соломинку, и, разбрызгивая чернила, вывел несколько кривых строк:

...может статься, дорогая Тео, когда это письмо окажется в твоих руках, меня уже не будет в живых. До тебя дойдут разные слухи и сплетни, злопыхатели наверняка не преминут опорочить мое имя, но ты ведь не поверишь им, милая сестрица? Обещай помолиться за упокой моей души, Тео!

Знай, дорогая сестренка, что древние были правы, говоря, якобы нет ничего хуже, чем жить в интересные времена.

Храни тебя Господь. Пошли тебе все святые, драгоценная Тео, долгих лет жизни во времена скучные, заурядные и мирные...

– Исаак из фамилии Ангелов? В мудрости своей базилевс Андроник высочайше повелевает поместить тебя под стражу. Обоснование – сведения, сообщенные о тебе арестованным преступником Алексисом из семейства Склиров. Следуй за нами.

Ах, не плыть по голубому морю,
Не видать нам Золотого Рога,
Голубей и площади Сан Марка.
Хорошо отплыть туда, где жарко,
Да двоятся милая дорога,
И не знаю, к радости иль к горю.

Не видать открытых светлых палуб
И судов с косыми парусами,
Золотыми в зареве заката.
Что случается, должно быть свято,
Управляем мы судьбой не сами,
Никому не надо наших жалоб.

Может быть, судьбу и переспорю,
Сбудется веселая дорога,
Отплывем весной туда, где жарко,
И покормим голубей Сан Марка,
Поплывем вдоль Золотого Рога
К голубому ласковому морю!

Часть первая

Константинополь: в ожидании Рождества

Глава первая

Чужак в краю чужом

Середина ноября 1189 года.

Константинополь, столица Византийской империи.

Троица бездельников сидела неподалеку от причала Морской Девы, передавая из рук в руки связку сушеных морских коньков и созерцая причаливающий корабль. Зеваки расположились с некоторыми удобствами – среди огромных, грубо обтесанных гранитных глыб. Камни доставили сюда и свалили в этом уголке порта еще позапрошлым летом, намереваясь использовать для починки Адрианова мола. Старинный, почти пятисотлетней давности волнолом, исправно защищавший гавань от разгулявшихся волн, в последнее время пришел в полное небрежение. Дальняя его часть развалилась и скрылась под водой, и на нее махнули рукой. Ближнюю пытались чинить, подсыпая новые гранитные глыбы. В борьбе людей и моря стихия пока одерживала верх.

День выдался ненастный, с холодным порывистым ветром, и громоздкий неф никак не мог встать боком к пристани. Вокруг суеилось с пяток плоскодонок, волочивших за собой брошенные с борта корабля канаты. Объединенные усилия не помогали.

Корабль «Три апостола», над чьей кормой болталось намокшее голубое полотнище с крылатым львом Венецианского торгового союза, упрямо норовил сокрушить причал тяжелым носовым ростром. Лодочники и корабельщики крыли друг друга на чем свет стоит, но без привычного азарта, скорее, по привычке. Всем хотелось поскорее подвести корабль к пристани и сойти на берег.

С высоты своей колонны, который век дуя в молчашую витую раковину, равнодушно взирала на людскую суету бронзовая и слегка облезлая морская дева. На голове у статуи прилепилась нахохленная толстая чайка.

Подле широкого всхода на причал маялись, кутаясь в толстенные плащи с капюшонами, представители властей и их подчиненные. Бдительная таможенная стража явилась исполнять свою обязанности – собирать мзду за право ступить в пределы благословенной Византийской империи, исчислять налоги на доставленные товары и вынюхивать недозволенные к ввозу вещи, как то: франкские еретические сочинения, арабские дурманные зелья, не внесенных в общую опись пассажиров и животных, утаенные драгоценности, пряности и предметы роскоши.

В том, что таковые непременно обнаружатся, никто не сомневался.

Загадка крылась исключительно в размере суммы, при получении которой таможенники украсят своей печатью пергамент, разрешающий команде корабля и прибывшим пассажирам вход в город. Чуть поодаль дожидались своего часа носильщики, встречающие, зазывалы постоянных дворов и просто зеваки без определенного рода занятий, наподобие сидевшей на камнях троицы.

Корабль грузно ударился шершавым боком в осклизлые сваи причала. Заскрипели блоки, с хлопанием начали сворачиваться задубелые от соли паруса. С борта нефа на пристань перебросили сходни. Оживившиеся таможенники устремились за поживой. Началась привычная волокита – с изучением представленных документов, с подробным допросом: кто, куда, да с какой целью прибыли в град базилевсов? Надолго или проездом, везете ли с собой товар на продажу или исключительно собственный скарб?..

Изнутри по борту судна частым градом застучали молотки. Распахнулся здоровенный черный проем, изнутри ощутимо пахло перепревшим сеном и застоявшимся конским духом. Выведенная на причал гнедая лошадь тут же зашаталась из стороны в сторону и завалилась набок. Конюхи засуетились вокруг упавшего животного. Гнедая вставать отказывалась, мотала головой и сердито ржала.

– Долго ж они плыли, – тоном знатока заметил один из праздных созерцателей, обладатель козлиной бороденки и овчинной телогрейки, почти новой, лишь самую малость подпаленной по подолу. – А лошадки хороши... С самого Египта, пожалуй, будут, у арабов куплены. Кто-то себе славную новую упряжку приобрел, помяните мое слово!

Слушатели покивали. Шимон по прозвищу Гиппофил или Гиппа, то есть попросту Лошадник, знал о скакунах все или почти все, ибо добрую часть своей жизни провел в качестве служителя на столичном Ипподроме. Однако Гиппу, как и многих до него, подвели не в меру болтливый язык и стремление поскорее разбогатеть. Почтенный служитель украдкой делился конюшенными сплетнями с ипподромными барышниками (не безвозмездно, само собой), получая скромную долю от выигранных ставок.

Однажды во время сего противоправного деяния он был замечен управляющим и мгновенно оказался за воротами Ипподрома. С изрядным скандалом и десятком плетей – чтобы другим впредь было неповадно.

С той поры Шимон Гиппа перебивался то здесь, то там, а когда совсем припирало – плелся, подобно многим нищелюбам столицы, в гавани Золотого Рога. Здесь всегда хватало как честной работы, так и возможности прибрать что-нибудь, оставленное без присмотра или плохо лежащее.

Нынешним летом Гиппе посчастливилось: он вступил в небольшое, но сплоченное сообщество, промышлявшее на пристанях. Вместе и жить стало веселее, и дела пошли лучше.

Сегодня, к примеру, часть шайки ловила удачу в другом конце порта, у пристани святого Феофания, где причалили два персидских судна – груз перетащить, провести кого по городу или поручение какое исполнить. Шимона же и молодого Эпу, парня толкового, но еще не заслужившего достойного прозвища, кликнул с собой предводитель сообщества, почтенный Никифор. Неизвестно по каким причинам его именовали Скифом. То ли прабабушку его, славянку родом, якобы привезли из-за моря и продали на рынке блистательного Константинополя, то ли, наоборот, дед его служил в войске базилевса Василия Болгаробойцы, ходившего усмирять дикие земли.

Троица ежилась на холодных камнях, терпеливо выжидая и не забывая коситься по сторонам. Попадешься стражникам, охраняющим Гавань – хорошего не жди. Измочалят и швырнут с берега, а море-то отнюдь не летнее: холодное, неприветливое, подернутое сердитыми косматыми волнами и разводами грязно-серой пены. Даже неизменные крабы, густо облепившие прибрежные камни и сваи, сегодня попрятались.

С борта «Трех апостолов» начали по одному высаживаться пассажиры. Ступив на берег, они, подобно многострадальным лошадям, тоже шатались, цепляясь за ограждения и привыкая к отсутствию постоянной качки. К грузному чернобородому типу в богатом халате кинулось не меньше десятка встречающих, низко кланяясь и причитая на все лады. Из-за груды ящиков выбежали носильщики с паланкином, толстяк забрался в них и торжественно отбыл вкупе с гомонящей свитой.

Следующими на пристань сошли арабы, сирийцы не то египтяне – тесная группка человек в пять. Эпа дернулся встать, но Скиф лениво пнул его в копчик: сиди, мол. Добыча не про нашу честь. Вздорные и спесивые дети Пророка своим-то соотечественникам не доверяют, а чужакам – тем более. Даже если они впервые в Константинополе, предпочтут обратиться к за помощью к властям.

И точно – следом за арабами по сходням бодро скатился обрадованный мелкий чин из таможенников, пристроился впереди, показывая дорогу и разглагольствуя. Гости столицы косились на него с нескрываемым отвращением.

Скифу и его подчиненным пришлось мерзнуть почти до полудня, когда на сходнях венецианского судна появились те, чьего появления дожидались нищebroды. Мелкие торговцы, путешественники, паломники. Люди, незнакомые с Перекрестком Мира, как порой высокопарно именовали шумную столицу Империи, и не ведающие ее обычаев. Вряд ли они догадывались, сколько пар глаз сейчас пристально наблюдает за ними, оценивая содержимое их кошельков и способность постоять за себя. Почтенный Никифор и ему подобные словно взвешивали приезжих на незримых весах, прикидывая: можно ли безнаказанно ограбить растерявшегося гостя в темном углу или выгоднее честно сопроводить его через город к нужному месту?

– Этот, – внезапно подал голос Скиф. – Эпа, пошел. Не оглядывайся, дурень, мы за тобой. Давай, давай, пошевеливайся, не то уведут бычка в чужое стойло...

Не подозревавшая о своей незавидной участи добыча облапила колонну Морской Девы, переводя дух и свыкаясь с непоколебимой твердостью земли под ногами. Франк с диковатым видом таращился по сторонам, хотя смотреть, в сущности, было не на что. Ну гавань с бесконечными рядами кораблей. Ну пристани, заваленные товарами – приготовленными к отправке или только что выгруженными на берег. За туманной хмарью и дымными испарениями большого города еле проглядывали очертания купола Святой Софии. Столпотворение вавилонское, суeta и привычная толкотня. Ровным счетом ничего заслуживающего внимания.

На вид гостю страны можно было дать чуть больше двух десятков лет. Обличье его показалось варварским даже ко всякому привычным нищebroдам Золотого Рога. Иноземец был невысок, но весьма широкоплеч, с мощной шеей – чем и впрямь походил на крепкого бычка. Волосы его, длинные и светлые, за время долгого морского путешествия свалились в неопрятную паклю. Все земное имущество франка составлял объемистый кожаный мешок, тяжелый даже на вид, лежавший сейчас на мокрых досках пристани.

Чужеземец носил меч – стало быть, принадлежал к благородному сословию, если у варваров таковое имеется. Впрочем, в византийской столице оружие ему без надобности. В соответствии с законом, изданным как бы не самим Константином Благословенным, иноземцам запрещалось носить и пускать в дело клинки более двух ладоней длиной. Таможенники наверняка обмотали рукоять и устье ножен франкского меча бечевой с тонкой металлической нитью внутри и привесили к концам обвязки печать. Конечно, в случае чего нить можно запросто порвать, но буква закона соблюдена и придраться не к чему.

Покуда чужак топтался на месте, Эпа времени зря не терял. Юркой рыбкой просквозил через цепочку носильщиков, приметив попутно, что с другой стороны на лакомый кусочек нацелился еще один портовый пройдоха. На краткий миг их пути пересеклись. Не останавливаясь, Эпа ловко заехал конкуренту локтем под дых. Тот немедленно потерял интерес к добыче, напоследок от души полив соперника отборнейшей портовой бранью. Эпа даже не оглянулся – дело важнее.

– Да будут благословенны твои дни, чужеземец! – бодро затараторил юнец, бесцеремонно дернув варвара за рукав. – Я вижу сомнения на твоем лице? Ты впервые в Столице? Позволь стать твоим проводником. Поверь, никто не знает Константинополь лучше меня! Я подскажу, где можно остановиться на ночлег и выгодно поменять звонкую монету, и сопровожу до франкского квартала, если господин желает...

– Не понимаю, – сказал франк на ломаном греческом, с чудовищным акцентом.

Разогнавшаяся колесница эпиного красноречия вдребезги расшиблась о непроходимую стену варварской необразованности.

Опешивший нищий поскреб в затылке. Ему как-то не пришло в голову, что новоприбывший может не разуть местное наречие.

– Э-э... Идти город... постоянный двор... еда, пить, быстро-быстро!.. – Эпа перешел на искаженный персидский, ограниченный запас слов на коем обычно позволял без труда находить общий язык с уроженцами Аравии и Сирии.

– Не понимаю, – повторил чужак.

Европа и Византия с равным недоумением воззрились друг на друга.

«Совсем ты тупой, что ли?» – огорченно подумало порождение клоак Константинополя, пытаясь вспомнить, как объяснялись между собой недавно заглянувшие в гавань норманны из Сицилии. Ничего толкового на ум не приходило. По мнению Эпы, варвары просто каркали, в точности уподобляясь воронам. В полном отчаянии нищесброд украдкой оглянулся на вожака. Скиф, нахмурился, молча показал ему жилистый кулак.

Белобрысый, поразмыслив, заговорил сам. Благодарение Святой Деве, он говорил на латинянском – перевернутом до неузнаваемости греческом. Эпа с трудом узнавал одно слово из трех, но это было уже кое-что. Если он верно разобрал бормотание франка, тот желал попасть к святому Иоанну... Квартал святого Иоанна? Нет? Приход церкви святого Иоанна Апокавка? Тоже нет? А, Орден святого Иоанна! Божьи люди в черных одеяниях с белыми крестами? Как же, есть тут такие. Да, конечно, я знаю самую краткую дорогу к их владениям. Сколько будет стоить? Сущие гроши, господин, не достойные упоминания! Что-что? Господина зовут Гай? Благородное, древнее имя. А я буду Эпа. Просто Эпа, сын Власия, если матушка не соврала и не ошиблась. Ступайте за мной да старайтесь не потеряться. Город-то у нас не маленький, сами видите. Самый что ни на есть полис, выражаясь по-книжному... Господин к нам надолго?..

Скиф и Шимон выждали, покуда франк и навязавшийся провожатый удалятся на приличное расстояние, спрыгнули с камней и пристроились в отдалении. Сейчас толковый мальчик Эпа поведет бычка безрогого на веревочке по запутанным улочкам и рыночным площадям. Улучив момент, пощупает, есть ли у франка за душой симпатичные золотые кругляшки... а там посмотрим, поразмыслим. Может, гость страны – щедрый и понимающий человек. И не придется его ни лупить дубинкой по загривку, ни резать в темном переулке.

* * *

Франк оказался созданием угрюмым и молчаливым: то ли из-за незнания языков, то ли по природной склонности. По сторонам с удивлением – да, глазел. Рыночному изобилию и многолюдству – да, поражался. Застрял у лавки, где торгош выставил арабские клинки – на что Эпа и рассчитывал. Какой же воин сможет равнодушно пройти мимо этих изящных красавиц, синеватых стальных молний на черной ткани? Пока франк тарасился и пытался на пальцах объяснить с продавцом, Эпа без труда совершил необходимое. Шарахнувшись от проезжавшей мимо повозки, врезался боком в чужеземца. Ненароком огладил рукой мешок, который франк старательно прижимал к себе и рассыпался в долгих извинениях за свою неловкость.

– Железное там – доспехи, что ли, – торопливо доложил Эпа сотоварищам, на краткое мгновение отстав в толчее от чужеземца. – А за пазухой припрятано два кошель. Толстенных! Богатенький варвар оказался. Знакомых у него в городе нет, родни тоже, и сам он приехал сюда в одиночку. Скиф, кончать его надо! – мальчишка аж прыгал от нетерпения. – Он сметливый, вот-вот заподозрит, что я его кругами по городу таскаю!

– Скажи ему, уже почти пришли, – распорядился вожак маленькой шайки. – Веди в проулки за площадью Стратигии. Стража туда отродясь не суется. Как отойдете поглубже, так мы и выскочим.

– Он никаких языков не понимает, кроме собственного и ихней жуткой латыни, – добавил на прощание Эпа и умчался, ужом проскальзывая сквозь толпу.

– Повезло, – заикнулся Гиппа, немедля схлопотав от Скифа подзатыльник: не трещи, мол, языком раньше времени, удачу спугнешь. Шимон сконфуженно примолк, и на вопрос старшего, в точности ли он все запомнил и усвоил, истово закивал. В предстоящей задумке очень много зависело от его благообразной внешности и умения отвлечь внимание.

...Когда парочка мелких злоумышленников достигла нужного места, потерявший терпение франк уже сгреб Эпу за ухо и деловито возил физиономией по известняковому забору, наставительно что-то твердя. Мальчишка в ответ жалостливо причитал. Местечко Эпа выбрал замечательное: глухой тупик, образованный сходящимися стенами и заборами, узкие окна-щели наглухо закрыты ставнями, безлюдье и тишина. Даже не верится, что всего в двух сотнях шагов отсюда клокочет и яростно торгуется рыночная площадь. Шимон перевел дух, скроил озабоченный вид и явился из-за угла, на ходу восклицая: «Господи всемогущий, что случилось? Покража? Не кликнуть ли стражников? Какой позор для нашего славного города!»

Голосил Гиппа (с учетом полученных сведений) на латыни – с акцентом и перевирая слова, однако вполне уверенно. Заслышав знакомую речь, франк, разумеется, обернулся – но вывернутое ухо Эпы отпустить и не подумал. Увлечшийся своей ролью Лошадник на миг струхнул. Слишком уж настороженным, звериным был взгляд непривычно светлых глаз заезжего гостя столицы. Эдакий не подумает смиренно делиться с ближними своим добром...

«Зато нас трое!» – успокоил себя Шимон, вновь входя в образ обеспокоенного законопослушного горожанина и беспрепятственно приближаясь к франку. Тот не заподозрил подвоха, бросив сквозь зубы: «Мы заблудились».

Добрый горожанин пожелал узнать подробности. Выслушав, заохал, сочувственно тряс головой и цокая языком. Выругал самозваного проводника и отвесил тому подзатыльника, вынудив варвара разжать пальцы, сомкнутые мертвой хваткой на ухе жертвы. Освобожденный мальчишка отполз на пару шагов и захныкал, клянясь, что вел господина самой короткой дорогой. Не его вина, что здесь такие узкие и извилистые переулки! Он всего-то хотел заработать пару монет для своей старой голодающей матушки! Вот добрый человек не даст солгать, подтвердит, что владение иоаннитов совсем рядом, рукой подать!

Гиппа охотно подтвердил. Гиппа вызвался сам проводить чужеземца. Однако, наученный горьким опытом, тот потребовал, чтобы ему просто объяснили дорогу. Размахивая руками, Лошадник принялся объяснять, считая на пальцах повороты и исподволь отесняя франка назад, к невысокому глинобитному забору.

По замыслу столичных мошенников, событиям предстояло развиваться просто и быстро. В нужный миг Скиф перемахивает через забор и сваливается прямо на голову жертве, замороченной разглагольствованиями Лошадника. Общими усилиями они сбивают франка с ног, оглушают, вытаскивают из-за пазухи кошель и уносят ноги. Коли варвару не посчастливится, он отдаст концы прямо здесь. Если же франкский череп окажется достаточно прочным, пусть идет и сколько угодно жалуется городской страже. Стражникам вряд ли симпатичны скандальные иноземцы. Да и как в городе с населением почти в пятьсот тысяч душ разыщешь трех человек?

Так рассуждали почтенный Никифор и его соратники в трудном деле ограбления ближних своих.

Однако вышло все совсем по-иному. За долю мгновения до того, как примерившийся Скиф с дубинкой наизготовку уже был готов ринуться на добычу, белобрысый, словно почуяв опасность, зыркнул через плечо наверх.

Дальнейшее несколько смешалось у Шимона в памяти. Должно быть, из-за сокрушительного пинка в живот. Совершив краткий полет, Лошадник утробно квакнул, приложился затылком о каменный забор и сполз вниз беспорядочной грудой костей. Эле полоумный чужеземец сломал руку. Парень искренне считал, что легко отделался. Предводителя шайки варвар отлупил ножами до потери сознания и затолкал вниз головой в каменную бочку, что стояла подле угла дома и служила для сбора текущей с крыши воды. К счастью для Никифора по прозвищу Скиф, бочка была наполнена всего на треть – иначе он бы точно утонул, пребывая притом на суше.

«Лучше бы мы нанялись тюки перетаскивать, – удрученно размышлял Гиппа, охая и даже не пытаясь подняться на ноги. – Тогда бы хоть на ужин заработали. Говорили умные люди: не связывайся с франками, они с рождения Господом обделенные, а оттого злые, как черти...»

* * *

Бывший служитель при столичном Ипподроме ошибался.

Благородный мессир Гай Гисборн был даже злее самого черта.

Путешествие измотало его до предела. Гай всерьез опасался, что до конца жизни не сможет ни толком поесть – свихнувшийся от жестоких приступов морской болезни желудок упорно отвергал все подряд; ни ходить, как подобает человеку – ему по-прежнему казалось, будто он на шаткой палубе, мотающейся во всех направлениях одновременно. Только это могло объяснить доверчивость, проявленную английским рыцарем к посулам местных уроженцев. Никто не спорит, на далеком Альбионе тоже хватает жуликов и мошенников, но там они свои, знакомые, можно сказать, родные по крови...

Прецепторию иоаннитов Гай отыскал самостоятельно (правда, только к наступлению вечера), спрашивая дорогу в лавках попримечнее. Многочисленных уличных доброхотов, прямо-таки изнывавших от стремления помочь богатенькому чужеземцу, встречал очень пристальный и весьма недобрый взгляд. Доброхоты сразу увядали и растворялись в темноте переулков.

Привратник владений Ордена святого Иоанна и явившийся на его зов молчаливый служитель оказались соотечественниками доброй памяти мессира Франческо, попутчика в долгом путешествии по землям Франции и Лангедока. Это обстоятельство почему-то показалось мессире Гисборну хорошим знаком – как и наличие в странноприимном доме прецептории свободной комнаты. Войдя в свой новый временный дом, Гай рухнул на жалобно скрипнувший топчан, проспав ровно двое суток – от восхода до заката и далее от заката до восхода. В конце концов обеспокоенные служители заявили проверить: случаем, не помер ли постоялец?

Молодость и долгий отдых взяли свое. Проснувшись, Гай ощутил себя здоровым, бодрым и ужасно голодным. А также донельзя озадаченным, удивленным и обескураженным.

Пища в трапезной прецептории оказалась вкусной, но странной: мясо с обилием резких специй, какое-то мелкое белое пшено, густое черное вино с отчетливым привкусом смолы. Трапезная размещалась в полуподвальном помещении, гулком и пропахшим подгорелым маслом, с непривычно плавными очертаниями кирпичных сводов и крохотными полукруглыми оконцами. Мимо проходили люди, загораживая тусклые отсветы зимнего солнца. Жуя, мессир Гисборн наконец сумел толком поразмыслить о событиях прошедших месяцев и расставить их в надлежащем порядке.

«Подумать только, я – в Константинополе!..»

...Первая часть странствия сэра Гисборна – через Лигурийский залив и Тирренское море, от Марселя до сицилийской столицы Мессины – заняла ровно неделю и прошла в совершенном благополучии, несмотря на страхи корабельщиков перед надвигающимся сезоном штормов. 27 октября 1189 года неф «Святая Анна» бросил якорь в мессинской гавани. Сэр Гай

в сопровождении двух кряхтевших под тяжестью изрядного груза носильщиков отправился выполнять свой долг.

Приморский город, считанные дни назад принимавший у себя крестоносное войско, опустел. Седмицу назад корабли объединенных английской и французской армии ушли отсюда, взяв курс к берегам Кипра. Оставил Сицилию и папский двор, во главе с престарелым понтификом вернувшийся обратно в Рим.

Однако мадам Элеонора и дочь ее Иоанна, овдовевшая супруга предыдущего правителя Сицилии, уехать еще не успели. Гай был убежден, что госпожа Элеонора нарочно мешкала с отправлением в родные английские края, дожидаясь на Сицилии известий о победах и поражениях крестоносцев.

Увидеться с мадам Пуату оказалось проще простого: старая дама и ее маленький двор с удобствами расположились в замке Танкреда Сицилийца. К вящему удивлению и скромной гордости мессира Гисборна, госпожа Элеонора его помнила – по имени и в лицо – с тех времен, когда он пребывал при дворе принца Джона.

Однако вид втащенного в покои старой королевы «товара» – четырех сундуков итальянской работы из мореного кедра с бронзовыми украшениями – в кои веки заставил обычно говорливую и бойкую мадам Пуату на некоторое (пусть и весьма краткое время) лишиться дара речи. Вдовствующая королева английская, на середине слова оборвав недоговоренную фразу, уставилась хищно сузившимся глазами на выстроенные рядом сундуки. Гай невольно поежился: кто его знает, вдруг, действуя из лучших побуждений, он нарушил чьи-то далеко идущие планы? У госпожи королевы наверняка имелись собственные замыслы касательно участи архива покойного канцлера Лоншана... А если он все неправильно понял и вместо награды огребет полновесное заслуженное наказание?

Выдержав долгую паузу, королева-мать милостиво улыбнулась и настойчиво потребовала рассказа о том, каким чудом мессир Гисборн сделался обладателем сих бумаг – подробнейшего, пусть он даже и затянется надолго. Ведь сэр Гай никуда не спешит?

Скорбно вздохнув, мессир Гисборн изложил, постаравшись ничего не утаивать, но выдерживаться от собственных умозаключений. Последнюю привычку он невольно перенял от недоброй памяти Дугала Мак-Лауда и загадочной дамы по имени Изабель Уэстмор. Мадам Элеонора внимала, поощрительно кивая и взирая на рассказчика с искренней приязнью – какой, наверное, не устаивался даже ее прославленный отпрыск Ричард.

К концу повествования Гай чувствовал себя выжатой досуха тряпкой. Госпожа королева же выглядела человеком, плохо скрывающим искреннее ликование. Она несколько раз переспросила Гаю о том, уверен ли мессир рыцарь в точном описании событий, касающихся лангедокского замка Ренн-ле-Шато и его обитателей. По ее просьбе Гаю пришлось повторить эту, весьма запутанную, часть своего рассказа дважды не то трижды. Упоминание о загадочном шевалье Ральфе Джейле заставило старую даму сокрушенно покачать головой, уточнив, не довелось ли сэру Гисборну столкнуться с сим господином позже, после злоключений в камаргских болотах? Гай честно ответил, что нет, и с жаром поведал о происках злокозненного компаньона, Мак-Лауда, а также намерении одного коварно похитить архив Лоншана – на что Ее величество королева Английская лишь недовольно поджала губы да покачала головой.

Элеонора ничем не подтвердила, но и не опровергла заявлений кельта и Джейля о том, что они трудились заради ее пользы. Однако Гай решил, что королеве-матери отлично знакомы оба упомянутых имени – хотя бы оттого, что они не вызвали у Элеоноры никаких дополнительных вопросов. Стало быть, тут какие-то свои непонятные дела... Возможно, шотландец все-таки не лгал? Просто слегка искажал правду в согласии со своими нуждами?..

Впрочем, верно говорят мудрые люди: во многих знаниях – многие скорби. Сбросив наконец тяжкий груз своих познаний, Гай перевел дух, опрокинул поднесенный бокал вина и, утоляя любопытство мадам Элеоноры, поделился собственными планами на будущее. Планы

оставались неизменными. Мессир Гисборн желал добраться до Константинополя, дожидаясь своих друзей и присоединиться к войску освободителей Гроба Господня.

– А я знаю ваших знакомцев! – просияла почтенная дама. – Мессир Мишель де Фармер из Нормандии и его оруженосец, господин Гунтер фон Райхерт, правильно? Впрочем, мессир Райхерт больше не оруженосец, а полноправный владетель баронства... если мне не изменяет память, отныне ему принадлежит некий Мелвих, где-то в шотландских землях.

«Однако! – поразился Гай. – Как они умудрились попасть на Сицилию – обогнав меня? И как германец умудрился разжиться баронством в Шотландии? Подвиг, что ли, какой свершил?»

– Они отправились вместе с армией Ричарда, – жизнерадостно сплетничала госпожа королева. – На Кипр, карать Исаака Комнина. Вы уже наверняка слышали эту невероятную историю с поджогом флота? О ней, по-моему, уже все Средиземноморье трещит без умолку.

«Мои приятели всю сражаются на Кипре... – с грустью подумал мессир Гисборн. – Похоже, наши замыслы касательно встречи в Константинополе больше не имеют значения... Нет, негоже отступать на полпути. Я обещал быть к Рождеству в Византии – и я там буду. Пусть даже в одиночестве».

Об иной причине, влекшей его в столицу империи базилевсов, Гай даже задумываться себе не позволял. Понимал, что это не более чем блажь и чистой воды выдумка.

Элеонора с явственным нетерпением косилась на сундуки, предвкушая счастливый миг знакомства с их содержимым. Королеву-мать справедливо именовали сердцеедкой и интриганкой, однако неблагодарной ее не называл никто и никогда. Человек, преодолевший столько передраг и испытаний, сумевший доставить ей истинное сокровище, заслуживал щедрого вознаграждения. Как и того, чтобы мадам Пуату обратила на него самое пристальное внимание, похлопотав о его будущем. Толковые молодые люди весьма и весьма пригодятся королевству Английскому – когда в недалеком будущем трон займет младший Плантагенет, Джон...

Распрощавшись с госпожой Элеонорой и шагая в порт, Гай с возрастающим недоумением размышлял о своем вознаграждении, ожидавшем его возвращения из Святой Земли. Припомнив, что Гисборны владеют небольшим манором в Ноттингамшире, госпожа королева удовлетворенно хлопнула в ладоши, заявив: Лондон уже давно засыпан жалобами на тамошнего шерифа, сэра Ральфа де Монсара. Мол, летами дряхл, с обязанностями не справляется, мздоимствует без меры и карает без причины. Сэр Гай как раз родом из тамошних краев и наверняка отлично знает состояние дел в графстве. Освободите Иерусалим – и сразу домой, в Англию, принимать край во владение!

«Неплохое начало карьеры, – поддразнивал себя Гай, – шериф ноттингамского захолустья! Помнится, еще в самом начале нашего знакомства Гунтер очень интересовался – не служил ли я помощником шерифа нашего края? Теперь я ему честно скажу: помощником не был, а вот шерифом наверняка стану. Ежели уцелею. Пусть завидует».

В столь жизнерадостном настроении сэр Гисборн поднялся на борт корабля «Гордость Генуи», направлявшегося напрямик на другой край мира, в далекую и казавшуюся почти что сказочной Византийскую империю.

Вот тут-то и начался сущий кошмар, словно бы преисподняя до срока явилась на землю.

Подле греческих берегов «Генуя» угодила в объятия свирепого шторма, протащившего ее по всем отмелям и рифам, в изобилии усеивавшим архипелаг Кикладов. Неф полз через неприветливое осеннее море от островка к островку, черпая воду, теряя паруса и мачты, и завершив свой скорбный путь в гавани острова Лемнос.

Отправляться на этом корабле далее означало, что в скором времени вам придется плыть на рассыпающейся куче бревен, подгребая уцелевшим черпаком. Пассажиры «Гордости Генуи», хоть и пребывали в недовольстве, признавали, что им здорово повезло. Они живы и

добрались до берега – не до какого-нибудь захудалого островка с парой деревень, а до оживленной торговой гавани у самых врат Мраморного моря.

Изнывавший от неопределенности Гай проторчал на Лемносе почти седмицу, когда в порту появились «Три апостола». Шедшие – слава тебе, Господи, во веки веков – в Константинополь. За время вынужденного ожидания сэр Гисборн узнал от попутчиков и местных жителей уйму многообразных сведений об окрестных морях и уверился, что впереди его ожидает седмица преспокойного плавания. Сперва по длиннющему проливу Дарданеллы, затем по собственно Мраморному морю, не раз упомянутому в Библии, и вот он уже в столице базилевсов.

Как же.

В сумерках, при входе в узкое горло пролива на венецианский неф налетели два узких, вертких суденышка под непривычными косыми парусами. По счастью, на корабле оказалось достаточное количество людей, способных держать в руках оружие и оказать сопротивление. Грабителей, взобравшихся на борт «Трех апостолов», частью перебили, частью взяли в плен. Один из корабликов не успел вовремя сманеврировать, убравшись с пути тяжеловесного нефа. Раздавленный, он отправился на дно вкупе с теми, кто не успел спрыгнуть за борт. На втором судне поразмыслили и, предоставив былых товарищей их собственной судьбе, ринулись наутек, к близкому азиатскому берегу.

Пассажиры и экипаж «Трех апостолов» ликовали, но длилась их радость недолго. Мраморное море встретило неф противным ветром и пришедшей с Черного моря длинной, мертвенной зыбью. От непрерывной, размеренной качки в скором времени всех поголовно скрутила морская болезнь. Появившийся-таки на горизонте Константинополь был воспринят не как долгожданная цель долгого пути, а как место избавления от мук. Пассажиры мечтали выбраться на берег и благополучно испустить дух.

Однако по прошествии двух дней тяготы морского странствия забылись, уступив место новым впечатлениям. Следовало задаться более насущным вопросом: вот ты добрался туда, куда стремился. Что теперь?

Отставив в сторону опустевшие тарелку и кружку, Гай решил: для начала он пойдет и разыщет кого-нибудь, ведающего странноприимным домом. Если давешний уговор все еще в силе, те, кто добрались сюда первыми, должны были оставить весточки о себе.

* * *

Мессир Мишель де Фармер из Нормандии, провинции королевства Английского, и Гунтер фон Райхерт, уроженец Великой Римской империи, не появлялись в пределах иоаннитской прецептории города Константинополя. Как следствие, благородные господа не вписывали своих имен в толстенную книгу постояльцев.

Движимый непонятным искушением, Гай спросил у хлопотливого попечителя, не оставливался ли тут наемник из Шотландии, именем Дугал Мак-Лауд. Подобная выходка была вполне в духе несносного кельта. Разругаться вдрызг, удалиться, хлопнув дверью, а затем объявиться как ни в чем не бывало, призывая забыть прошлое и жить настоящим.

Но и Мак-Лауд здесь тоже не показывался.

Одолжившись небольшим обрезком потертого пергамента, ноттингамец составил краткую записку, извещающую его друзей о том, что с 18 дня месяца ноября он, Гай Гисборн, проживает в здешнем странноприимном доме. Сложенный и запечатанный конверт перешел на хранение к брату попечителю, уверявшему постояльца, что так поступает не он один. Приезжающие в Империю европейцы частенько сговариваются о встречах через прецепторию – благо ее нетрудно сыскать.

Утверждение вызвало у Гая сдавленный невеселый смешок.

Что ж, раз он оказался в Константинополе первым, нужно придумать, чем занять ожидание. Причем занять с пользой. Приспомятое столкновение в порту неприятно доказывало: здесь даже нищие умеют болтать на четырех-пяти языках, тогда как мнящий себя неплохо образованным франкский рыцарь еле-еле изъясняется на одном-двух. Да и город необходимо посмотреть – чтобы было о чем поведать восхищенным друзьям и родственникам, вернувшись домой.

Отважно предпринятые в одиночку прогулки в окрестностях прецептории окончательно лишили Гая душевного равновесия. Можно пережить, что в глазах здешних обитателей он выглядит варваром и чужаком – причем чужаком неприятным и нежелательным. Настоящим же потрясением стало внезапное осознание истинного положения вещей.

Лондон и иные европейские поселения, до того казавшиеся Гаю большими и процветающими городами, теперь предстали в свое истинном облике – грязными варварскими деревеньками, выросшими, как плесень, на руинах покинутых римских крепостей. Подлинное средоточие обитаемого людьми Универсума находилось здесь, в огромном, древнем и запутанном граде, выплеснувшемся за пределы могучих крепостных стен.

Медленное, стареющее сердце некогда великой Римской Империи билось в городе, соединяющем Европу и Азию. Городе на берегах двух морей, переполненном роскошными дворцами – новехонькими и ветшающими, старинными, времен язычества, памятниками и голосистыми торжищами, в городе, не засыпающем ни днем, ни ночью. Гай потерялся в Константинополе, среди извилистых горбатых улочек, прячущихся за высокими заборами усадеб родовитых семейств, среди говорящих на незнакомом языке людей.

Потерялся, не в силах вновь отыскать себя.

Он больше не мог заставить себя покинуть прецепторию, смертно завидуя соседям по странноприимному дому. Те преспокойно уходили и приходили, заключая сделки и ведя переговоры, обустривая свои дела, покупая и продавая. Никогда ранее мессир Гай не испытывал подобного гнетущего ощущения – что, вновь ступив на улицы многолюдного Константинополя, он не сможет отыскать дороги обратно. Это было глупое, унижительное и недостойное английского рыцаря чувство, но мессир Гисборн не знал, как с ним справиться.

Он бродил по владению иоаннитов, похожему на перенесенную сюда прямиком из какого-нибудь итальянского города маленькую крепость. Спиной ощущал – или так ему казалось – преследующие его недоуменные и вопросительные взгляды. На самом деле хозяева и временные гости прецептории даже не подозревали о душевном смятении молодого человека. Им не было до этого никакого дела. Франк оплатил проживание на месяц вперед и теперь был волен вести себя, как вздумается – при условии соблюдения законов вежества и гостеприимства.

Спасение нагрянуло с совершенно неожиданной стороны.

В который раз меряя шагами прецепторию, Гай обнаружил в дальнем уголке маленький облетевший сад и крытый павильон. Калитка в невысокой стене соединяла садик с той частью обширного хозяйства иоаннитов, которая некогда положила начало Ордену – с местным госпиталем, лечебницей. Врачеватели ордена Святого Иоанна справедливо почитались лучшими после арабов, то есть непревзойденными в европейском мире. Услугами константинопольского госпиталя пользовались в основном франкские торговцы и путешественники, но братья Ордена не отказывали в помощи и горожанам греческого или любого иного происхождения. Про себя мессир Гисборн решил, что, когда будет съезжать, непременно сделает щедрое пожертвование в пользу столь богоугодного заведения.

Гай несколько раз приходил в обветшавшую беседку. Сидел, бездумно смотря на черные ветви раскачивающихся под ветром деревьев. Размышлял о прихотливых путях судьбы. О том, где сейчас находятся и чем заняты его знакомцы и случайные попутчики. Доберется ли сюда Мишель? А если нормандец так и не появится к условленному сроку, что делать ему,

Гаю? Плюнуть на все, отправиться к Иерусалиму? Барбаросса и его армия, говорят, уже неподалеку...

В очередное посещение павильона мессира Гисборна поджидала неожиданность – место оказалось занятым. На рассохшейся скамье восседал некий почтенный муж средних лет, явственный местный уроженец – некогда черноволосый, а ныне обильно поседевший, грузный, с задумчиво-усталым выражением благообразного и густобородого лица. Левая его рука безжизненно висела на перевязи, из чего Гай сделал верный вывод: незнакомец пребывает на излечении в госпитале. Здоровой правой рукой грек вел сам с собой ожесточенное сражение на черно-белых клетках маленькой шахматной доски, пристроенной на колченогом столике.

Охватив мирное зрелище быстрым взглядом, Гай повернулся уйти. Но не успел, остановленный басовитым голосом и безукоризненной латынью:

– Вообще-то я не кусаюсь. Если вы умеете играть, то сделаете мне большое одолжение, составив компанию. Святые братья упоминали, якобы вы прибыли едва ли не с другого края земли. Утолите мое суетное любопытство, ответьте – это правда?

– Святые братья преувеличивают, – невольно улыбнулся Гай. Незнакомец отчего-то сразу внушал доверие. – Но прибыл я издалека, это верно.

– Что ж... Так много людей в наши дни вдруг испытали тягу к дальним странствиям... Мое имя Лев. Лев из рода Треда. Не имея чести быть высокорожденным патриkiem, я просто мирный и бездельный обыватель славного Константинополя. Заходите и садитесь, поболтаем. Ибо чем еще развлечься двум малознакомым людям в огромном городе, как не болтать о пустяках и сплетничать?

– Слишком уж он огромный, ваш город, – признался Гай, перешагивая низкий порог. – Я Гай. Гай Гисборн. Я из Англии. Здесь, наверное, никогда не слышали о такой стране. Но играть в шахматы я умею.

– А, остров Альбион, – согласно кивнул полысевшей макушкой почтеннейший Лев из рода Треда. Он смешал фигуры на доске и сноровисто расставил их заново. – Большинство горожан и в самом деле никогда не слышали такого названия. Но лично я его знаю. Э-э, как оно правильно произносится... Английское королевство. В Палатийской гвардии служат несколько десятков человек родом оттуда. Мне доводилось их видеть. Они куда больше похожи на страшных варваров и дикарей, нежели вы, кирие Гай. Должен заметить, для франка у вас редкое имя.

– Это все дед и наш приходской священник, – уныло пояснил мессир Гисборн. – Один шепелявил, а другой был тугоух по ветхости лет и, к стыду его, не слишком учен. Вместо «Ги», как собирались назвать новорожденного, нацарапал в своей книге «Гай». Потом я узнал, что так звали римского короля... нет, кесаря. Он жил давно. Еще когда Италией правили язычники.

... Жизнь чужака в земле чужой расцвятилась новыми красками, став если не веселее, то куда познавательнее. Лев Треда, упорно именовавший себя «ленивым и незначащим обывателем», мог поддержать разговор на любую тему – от различий в традициях Западной и Восточной Церкви до последних новостей из Иерусалима и Дамаска. Как он умудрялся быть настолько осведомленным, не покидая стен прецептории, Гай не знал. Зато с удивлением обнаружил, что его исподволь натаскивают в знании греческого наречия. Оно было весьма схоже с латынью, только звучало более архаично.

Что порой повергало англичанина в глубочайшую задумчивость, так это своеобразное чувство юмора господина Треды. Требовалось очень внимательно прислушиваться к словам ромея, чтобы уловить миг, когда невинная с виду фраза оборачивалась замаскированной насмешкой, грустной и желчной одновременно. Его краткие комментарии к восторженным рассказам гостя столицы всегда были окрашены эдакой печальной иронией, едкой, как щелочь.

– Большой храм желтого кирпича, с полосой разноцветных изразцов между первым и вторым ярусом? – задумчиво уточнял он, передвигая фигурку коня по доске. – Через две улицы отсюда, рядом с зеленым рынком? Церковь святого Мокия. Сто пятьдесят восемь лет тому на

праздник Пятидесятницы базилевс Лев Мудрый высочайше почтил этот храм своим присутствием. И что бы вы думали, дорогой Гай? Какие-то простолюдины закидали его камнями. Да так метко, что почтенный базилевс скончался прямо на паперти. Какие были времена – императоры не гнушались запросто пообщаться со своими подданными...

– А белое здание под зеленой крышей, со множеством колонн, заканчивающихся эдакими завитками в виде бараньих рогов? – спрашивал Гисборн, делая, в свою очередь, ход.

– Дворец Юстиции. Только между нами, заглазно его частенько именуют Дворцом Кровопийц. Ох уж эти наши судейские. Им бы только содрать со обеих сторон побольше золота. Бывало, выигравший процесс истец и проигравший ответчик выходили оттуда, рыдая и обнимаясь, как братья, встретившиеся после долгой разлуки – ибо все свое состояние они оставили за порогом Дворца. Иные, случалось, даже травились с горя.

– Чиновники везде одинаковы, досточтимый Лев... а вот та маленькая церковь по соседству с прецепторией? Такая беленькая, под голубым куполом? Знаменита ли она чем-нибудь?

– А, эта. Часовня пресвятой великомученицы Агаты Сирийской. Прославлена тем, что в ней патриарх Евфимий, оживленно споря с полководцем Кекавменом о том, стоит ли присоединяться к очередному мятежу, использовал свой пастырский посох в качестве веского решающего аргумента. Слава Богу, Кекавмен оказался при мече и, в отличие от иных вояк, знал, для чего предназначена эта тяжелая железная штукавина. К счастью, никто не пострадал – кроме разрубленного посоха, конечно. И какого-то мелкого служки, сунувшегося под руку спорщикам. Его потом канонизировали, этого служку.

– Вы настоящий кладезь познания, кирие Лев! Ну а огромный медный бык на рыночной площади, вроде бы он полый внутри...

– Собственно, площадь так и называется – площадь Тавра. А бык, что ж бык... Ну да, полый. По праздникам мы в нем жарим преступников. Римская традиция. Наши предки-язычники заталкивали туда христиан-мучеников, мы же насыщаем чрево Быка врагами Империи. Ничего особенного, мой уважаемый друг, всего лишь памятник палаческой изобретательности.

Не выдержав, Гай расхохотался.

– Мессир Лев, – сквозь смех выдавил он, – ну признайтесь, вы просто морочите голову доверчивому иноземцу! Такого не может быть! Неужто в вашем прекрасном городе не сыщется места, не отмеченного убийством какой-нибудь важной персоны?

– Отчего же, сыщется, – меланхолично ответил Треда. – Будучи в городе, посетите храм Софии Премудрости. Кстати, среди прочих святых реликвий там хранится Покров Богоматери...

– ...Неужто подлинный?!

– Разумеется, совершенно подлинный, привезен лично великой базилиссой Еленой из Иерусалима. Вообще-то их, Покровов, я имею в виду, у нас три. Одна риза хранится в храме Софии, другая в Никее, а третья до недавних пор числилась по описи палатийского имущества, да затерялась где-то в кладовых... Так вот, совсем рядом с собором притулилась крохотная часовня во имя святого Николая. Ее еще называют Убежищем. В ней предоставляется укрытие любому страждущему, бегущему от тяжелой руки закона или базилевса – что, в сущности, одно и то же. Со времени постройки часовни миновало не меньше четырехсот лет, и покамест ее не обагрила невинно пролитая кровь. Но мы не теряем надежды, что однажды и там случится какое-нибудь знаменательное смертоубийство, которое можно будет внести в хронографы.

Смех мессира Гисборна перешел в неприличное хрюканье.

– Здоровый смех, как уверяли древние врачеватели, продлевает жизнь, – одобрительно кивая, произнес господин Лев. – Таков Константинополь – роскошный позолоченный идол, внутри которого пыль, паутина и пауки. Но мы здесь рождаемся, живем и умираем. Столетие за столетием. Мы даже пытаемся любить этот город. Смейтесь, смейтесь – мы заслуживаем, чтобы приезжие варвары начали смеяться над нами. Знаете, Гай, за тысячелетие существова-

ния Империи на троне сменилось больше девяноста базилевсов. То есть каждый из них правил чуть более десяти лет. Я скверно знаю вашу историю, но полагаю, что даже во франкских землях никогда не творилось такого безобразия. Теперь же, покорнейше прошу меня простить, но вам шах, а через два хода – мат.

Общение с циничным и острым на язык Львом Тредой позволило ноттингамцу взглянуть на великий город без предвзятости. Кроме того, к сэру Гисборну начали возвращаться угасшие было здравомыслие, любопытство и жизнерадостность. Да, Константинополь подавлял величием имперской столицы, да, от здешнего многолюдья и многоголосия рябило в глазах, а церкви византийцев, куда рискнул заглянуть приезжий франк, повергали в трепет своим великолепием и выставленным напоказ богатством. Да, по сравнению со здешними приходскими храмами собор в Туре представлял убогой сельской часовенкой. Однако и в блистательном Константинополе хватало грязных закоулков, нищих, кланчивших милостыню на перекрестках, уличных воришек и жуликоватых торговцев. Город старательно скрывал от чужаков свои язвы и пороки, и требовалось прожить здесь какое-то время, чтобы научиться заглядывать под раззолоченную маску.

А под ней скрывалась другая, и еще одна, и еще...

* * *

– Я подумал, мой юный друг, вам будет полезно кое с кем познакомиться, – изменив своим привычкам, почтенный Лев Треда лично пожаловал в странноприимный дом. С ним пришел его соотечественник, моложе годами, в вычурном одеянии зеленых и алых тонов, с быстро шныряющими глазками и самой приятной из всех улыбок, какую только можно вообразить. – Кирие Гай, это мой давний знакомец Анастасиос Либри. Анастасиос, этот тот молодой человек, о котором я тебе рассказывал. Он явно нуждается в твоих заботах.

Обращаясь к несколько ошарашенному Гаю, Треда пояснил:

– Не обращайтесь внимания, что кирие Либри смахивает на мелкого жулика. На самом деле он давно дорос до крупного мошенничества. И продолжает оставаться на свободе только по милости высоких покровителей да благодаря щедрым взяткам, которыми он подкармливает дознавателей эпарха.

Знакомец мессира Льва соорудил мину оскорбленной невинности, но смолчал.

– Кирие Либри получает свои немалые доходы именно с того, что облапошивает гостей Империи, – невозмутимо продолжал Лев. – Он содержит с десяток толмачей, разумеющих множество различных наречий мира, торгует книгами и редкостями, а также оказывает посильную помощь тем, кто впервые в Константинополе. Заверяю вас, мой друг Анастасиос может быть весьма и весьма полезен, ибо ему ведомы все входы, выходы и нужные люди столицы. Прежде всего сразу – он вас обдерет. В разумных пределах, в отличие от портовых прощелыг, коим вы столь неосторожно доверились в первый день своего приезда. Но каждый из безантов, перебравшихся из вашего кошелька на жительство в сундуки кирие Либри, будет им вполне заслужен. У вас пропадет необходимость безвылазно сидеть в четырех стенах, слушая старого брюзгу. Константинополь стоит того, чтобы узнать его ближе... Анастасиос, я удаляюсь. Можешь развернуть фонтан своего красноречия. Кирие Гай, если он станет излишне болтлив и назойлив, пригрозите обратиться к его конкурентам с Августеона. Действует безотказно.

На латыни господин Либри изъяснялся несколько хуже, чем достопочтенный Лев, но зато языком он и в самом деле работал за троих, а то и за четверых. Сэр Гай не успел ни опомниться, ни возразить, как лишился пяти золотых номизм, получил на две ближайшие седмицы сопровождающего, понимающего латынь и норманно-франкский, подписал какой-то пергамент и выслушал уйму свежайших сплетен о жизни города, двора базилевса и служителей Церкви.

После того, как излучающий гостеприимство и доброжелательность кирие Анастасиос наконец убрался, у мессира Гисборна еще с полдня звенело в голове.

Окрестный мир вновь переменялся: улицы, площади, дворцы и храмы, виденные сэром Гаем, обрели названия, историю и приметы. В людском гомоне на улицах все чаще стали проскальзывать узнаваемые слова.

И диковинная мысль, с самого начала странствия назойливо зудевшая сэру Гисборну в уши, получила некоторый шанс на осуществление. Ибо кирие Анастасиос, воистину знавший город как свои пять пальцев, казался самым подходящим человеком для ее осуществления.

Время и место для беседы, само собой, тут же нашлись – почтенный грек и его франкский знакомец устроились в общем зале странноприимного дома прецептории, подальше от чужих ушей. После положенных суесловий, благодарностей за помощь и уверений во взаимной приязни, ноттингамец наконец добрался до изложения своих затруднений. Он заранее предупредил, что разговор коснется весьма странной темы, но от волнения неверно составил первую фразу, брякнув наобум:

– Мне нужна женщина...

– А, это легко, – понимающе улыбнулся грек. – Кирие Гай, неужели вам до сих пор никто не сумел подсказать? Выйти за ворота, вдоль стены прецептории направо, после второго перекрестка налево, улица святого Епифания. Пятнадцатый дом от угла. Лупанарий «Золотая луна», хозяйку зовут госпожа Костана. Очень неплохое...

– Нет, нет! – замахал руками сэр Гай. – Не просто женщина! Не любая женщина! Мне нужна совершенно определенная, понимаете? Рыжеволосая, лет двадцати от роду, худощавая...

– Конечно, понимаю, – пикантная улыбка Анастасиоса Либри сделалась еще тоньше. – Скажете хозяйке, она подберет в точности по вашему вкусу. Есть толстые, есть худые, наверняка отыщутся и рыжие.

Гисборн застонал, от отчаяния перейдя на норманно-франкский:

– Да нет же, черт тебя подери! На кой мне шлюха?!

Стороны явно не понимали друг друга. Гай на миг зажмурился и заговорил, тщательно подбирая каждое слово:

– Я разыскиваю женщину, с которой был некогда знаком, но потерял ее по случайности. Как полагаете, сложно будет ее найти... в таком городе?

– Очень просто, кирие Гай, – бодро отвечал грек. – Скажите, как ее имя, а еще лучше – где она живет, и я с радостью провожу вас туда. Почти бесплатно!

– В том-то и дело, – мрачно сказал Гай, – я понятия не имею, где она живет. И как ее зовут, тоже не знаю. Я даже не уверен в том, что она находится именно в Константинополе. Просто надеюсь. Иначе мне придется обшаривать в ее поисках всю Византию, а у меня нет для этого ни возможностей, ни времени.

Либри поскущел, сложил черные брови домиком и сокрушенно поцокал языком.

– Скверно, – признал он. – Дама высокого рода или простолюдинка?

– М-м-м... – Гисборн откровенно почесал в затылке, – нет, не простолюдинка, это точно. Она... Она такая... Темно-рыжая. У нее глаза цвета морской волны. Она остра на язычок, хитра и очень сметлива. А, вот еще! Она должна была в конце ноября вернуться из далекого путешествия.

Лицо Анастасиоса сделалось задумчивым.

Припомнив обмолвки попутчиков, Гай торопливо добавил:

– Ее долго не было дома. Года два или три.

Последняя фраза прозвучала жалко, ибо мессир Гисборн отчетливо понял: отыскать по таким приметам фальшивую ирландку Изабель невозможно. Каким, должно быть, глупцом он себя выставил!

«Поразительная история, – размышлял тем временем почтенный грек, всем видом изображая крайнюю заинтересованность. – Кто бы мог подумать! Диковатый франкский воитель настойчиво желает отыскать неведомую девицу. А вид у него при этом такой ершистый и одновременно трогательный, будто ему и дела никакого нет до этой женщины... Даже не сообразил сослаться на вымышленного приятеля или исполняемое поручение. Провалиться на этом месте, драгоценные судари мои, это самая что ни на есть безответная любовь! Полудикие европейские варвары способны на подобные высокие чувства? Занятный молодой человек. Откуда он такой выискался? Лев как-то упоминал – с острова Альбион. Такая даль, невозможно представить... Отказаться? Согласиться? Деньги у него вроде водятся, заплатит, как миленький... Занимательно будет узнать – чем окончится столь диковинный поворот судьбы?..»

– Очень трудно, – помолчав для пущей важности и вынудив франка поерзать от нетерпения на месте, изрек господин Анастасиос. – Почти неисполнимо. Пять безантов сейчас, на расходы. Столько же сверху, если дева все-таки отыщется. Поиски, само собой, займут какое-то время. Может, седмицу. Может, месяц.

– Я подожду, – пробормотал мессир Гисборн, не веря услышанному. Лощеный прохиндей действительно берется отыскать мистрисс Уэстмор? Или просто рассчитывает вытянуть с доверчивого варвара побольше? Как бы то ни было, у него появился шанс! Совсем крохотный, один из тысячи или десяти тысяч, но чего только не случается в жизни?

Глава вторая

Шпионские будни

10 ноября.

Город Тир, побережье Святой Земли.

Похолодало, и обширный сад во дворце правителей Тира облетел. За одну ночь осыпались дождем багряные персидские розы, свернулись в почерневшие трубочки листья диковинных арабских растений с гроздьями сиреневых цветов. На побережье Святой Земли надвигалась зима. Пусть она ни шла ни в какое сравнение с многоснежной зимой Британских островов или норвежских фьордов, но радости жителям это время года совершенно не доставляло. С моря наползали тучи, проливающиеся затяжными дождями и штормами, из аравийских пустынь прилетали пронизывающие ледяные ветра. Оживленные торговые гавани замирали, караваны стремились поскорее добраться до городских стен. Даже войн в это время старались не вести, только если совсем уж не оставалось иного выхода.

Такова была здешняя зима, с ее тревогами и смутными надеждами на будущее.

Привычного европейскому глазу каменного очага в Тирском дворце не имелось: в холода здание обогревалось теплым воздухом, идущим из подвалов по системе хитроумно расположенных труб, и множеством расставленных повсюду жаровен. Правитель Тира, однако, подумывал о том, чтобы выписать из Италии умельцев класть каминные – но все что-то мешало исполнить задуманное.

Маркграф Монферратский и его собеседник – плотного сложения мужчина лет тридцати, беловолосый, в водянисто-серых глазах которого застыло скучливое выражение – расположились подле исходившей теплом причудливой бронзовой жаровни и обговаривали последние мелочи. Собственно, все было давным-давно не раз сказано, решено и продумано, однако в последний миг частенько вспоминалось нечто упущенное.

Амори д'Ибелен, былой король Иерусалимский, правая рука маркграфа Конрада, вернейший и испытаннейший сторонник, с завтрашним утренним приливом отбывал в Константинополь. На одном из лучших и самых быстроходных судов Тира – арабской дангии под названием «Ларисса», собственности своего покровителя. Оба прекрасно знали, что отъезд Ибелена вызван настоятельной необходимостью, что спустя самое малое неделю ему позарез нужно быть в гаванях Золотого Рога, и все же, все же... Прибывший вчера корабль доставил в Тир последние новости. Крестоносная армия, покинув Мессину Сицилийскую, всей своей объединенной мощью обрушилась на Кипр.

– Дьявольщина, – маркграф Тира в очередной раз задумчиво перевернул тонкую пачку пергаментных листов. – Опять задержка. И когда теперь армии англичан и французов снова тронутся в путь? Вряд ли Исаак Кипрский сможет оказать крестоносцам достойное сопротивление, стало быть, весной мы наверняка узрим Ричарда и прочих под стенами Акки... Долго, все равно долго. Господи, как же долго тянется зима!

Риторическое восклицание ответа не требовало. Д'Ибелен молча кивнул, соглашаясь с сюзереном, и вернулся к прерванному занятию: выяснению, какой из четырех сортов сладкого шербета со льдом ему больше по вкусу. Сам Монферрат, хоть и прожил на Востоке больше десятилетия, шербета почему-то терпеть не мог.

– Итак, на чем мы остановились? – Конраду не сиделось на месте. Выбравшись из кресла, он описал круг по небольшому залу и остановился подле высокого окна, выполненного в арабской манере и перечеркнутого тонкой позолоченной решеткой. За окном виднелось хмурое море с нависшими над ним свинцовыми облаками, часть окрестного квартала и маленький кусочек гаваней. Какой-то корабль, борясь со встречным ветром, пытался обогнуть мыс. – Ах да, госпожа Анна. Опять и снова – многострадальная госпожа Анна из Византии.

Амори молча отставил початый бокал в сторону и сделал движение, будто намереваясь встать. Монферрат раздраженно махнул на него рукой – сиди, мол, не на торжественном приеме. Барон флегматично кивнул, соглашаясь, и принялся излагать ровным голосом, словно читая с листа заранее заготовленный доклад:

– Как известно вашей светлости, за два минувших года я создал в Константинополе обширную сеть осведомителей, в той или иной степени причастных к тайнам Палатия. Мои лазутчики исправно следили и следят за умонастроениями среди придворной знати базилевса Андроника, о действиях самого престарелого кесаря и его семейственного окружения...

Конрад Монферратский слушал не перебивая, хотя и слегка скривившись. Главу конфидентов маркграфа порой заносило, и его речи становились ужасно заумны.

– Сообщения складываются в весьма неприглядную картину, подтверждающую мое прежнее мнение. Можете считать меня твердолобым упрямым, мессир Конрад, но я обязан повторить уже не раз сказанное. Мы переоценили возможности и способности мадам Анны. Она нам не подходит. У мадам слабый характер, она нерешительна и чересчур замкнута. У нее нет ни друзей, ни союзников, ни хотя бы кучки сочувствующих придворных. Для греков она была и осталась чужестранкой. Европейцы про нее давно забыли. Даже ее венценосный брат, его величество Филипп-Август, не интересуется судьбой младшей сестрицы. Она не француженка и не византийка. Пустое место с хорошеньким личиком.

– Ты же знаешь, ей выпала тяжкая участь... – попытался найти достойное оправдание для своей креатуры Монферрат.

– Я назову вам с десяток благородных дам из разных краев Европы, чья участь была еще тяжелее, – вежливо, но непреклонно перебил сюзерена д'Ибелен. – Однако они не прозябают в безвестности и не стали подстилками для коронованных старцев. Конечно, со стен Тира не разглядишь в подробностях, что делают и о чем думают в константинопольском Палатии. Когда мы доберемся до столицы базилевсов, я еще раз все тщательно проверю... но чутье редко меня подводило. Уверен, в решающий миг Анна либо струсит, либо выдаст нас своему супругу, либо просто откажется что-либо предпринимать. Запретса на десяток замков и будет сидеть безвылазно, пока под ней костер не разведут.

– Отчего ты столь недолюбливаешь бедную женщину? – подпустил ехидства в голос Конрад. Амори равнодушно пожал плечами:

– Я всего лишь здраво оцениваю шансы. Положившись на Анну, мы потерпим поражение. Будет много шума, много понапрасну пролитой крови – и никакого прока. И даже если нам повезет... Вдовица на троне – лакомая и слабая добыча. Мне придется держать в Константинополе не менее полусотни преданных людей, чтобы они направляли, а также денно и ночно берегли вашу ненаглядную Анну. Либо мы спешно выдаем ее замуж – за нашего ставленника, разумеется. Для чего нам уйма лишних хлопот? Куда проще сразу отправить безутешную даму в далекий киликийский монастырь. Коли через годик-другой она скончается – что ж, на все воля Господня.

– Положим. Но кем ее заменить? – нынешний спор был не нов, Ибелен и Монферрат уже не раз подступались к щекотливому вопросу. Пока маркграф Монферратский стоял на своем, но капля, как известно, камень точит. К тому же дотошный Ибелен всякий раз подбрасывал новые аргументы. – Братцем моей миледи Лизетт? Сдается мне, Исаак Ангел на троне будет еще хуже предшественника. Он врет и предаст столь же непринужденно, как дышит.

Сперва радостно согласится на наши условия, а потом оставит нас в дураках. Эммануилом? У него никогда не хватит духу выступить против чрезмерно зажившегося отца. Комнин-младший мечтает прослыть эдаким Цинциннатусом, философствующим в процветающем имении, в окружении почтительно внимающей родни и восхищенных друзей. Ты, помнится, еще в начале этого года пытался найти с ним общий язык – и не преуспел?

– Времена, ваша светлость, меняются, – мессир Амори позволил себе короткую ухмылку. – Перед отъездом я переговорил с состоятельными купцами, прибывшими недавно из Константинополя – три генуэзца, несколько крещеных евреев и даже один мавр. Говорил со шкиперами, с прибывающими в Святую Землю паладинами – осторожно, чтобы не вызвать подозрений. Конечно, они знают немного, но в целом картина складывается нерадостная. Похоже, базилевс охвачен манией подозрительности. Ему всюду мерещатся заговорщики, в каждом он подозревает наемного убийцу. Ликторы в красных плащах хватают людей по малейшему подозрению. В Константинополе дня не проходит, чтобы кого-то из знати не обвинили в злодейском умысле. Неудивительно, что даже благодушный Эммануил задергался рыбкой на крючке. Ему кажется, царственный папенька в чем-то подозревает и его. Вы не хуже меня знаете, к чему приводят эдакие подозрения. Эммануил отправил ко мне посланца...

– Даже так? Ты мне об этом не говорил, – нахмурился Конрад.

– Сперва я должен был удостовериться, что это не очередные византийские происки, – невозмутимо парировал Ибелен. – Если угодно, я велю принести письмо. Оно выглядит совершенно невинным, с парой-тройкой воспоминаний о вашем бурном прошлом в качестве кесаря византийской армии да сетований на несовершенство людское. Текст послания не имеет ровно никакого значения. Важно само обстоятельство, что Эммануил решился обратиться к нам за поддержкой. По прибытии в Константинополь я намерен уделить внимание именно ему, а не чахнувшей в позолоченных застенках Анне.

– И все же, все же... – Монферрат в задумчивости выбил пальцами дробь по мраморному подоконнику, но высказать свои сомнения не успел.

Дверная створка приоткрылась. В проем осторожно просунулась голова дворцового управителя, с сильным греческим акцентом известившая:

– Господину угодно принять посетителя? Пришел некий Даниил... Даниэль... Малль-грим, – управляющий запнулся, выговаривая трудную франкскую фамилию. – Уверяет, у него срочное дело к господину. Какое – не говорит. Прикажете прогнать?

– Какой еще Даниэль? – спросил сам у себя Конрад, а спустя мгновение совершенно некуртуазно хлопнул себя по лбу. Наблюдавший за сюзереном Амори озадаченно поднял бровь. – Старею, что ли? Или память отшибло? Зови, немедленно зови! Ибелен, Данни объявился!

– Принесла нелегкая, – еле слышно пробормотал Амори д'Ибелен.

Высокие створки черного дерева с инкрустацией черепаховой костью распахнулись настежь. В залу широким шагом вошел рослый, крепкого сложения человек. Конфидент отнюдь не торопился предстать пред ликом работодателя – ибо ничто в его облике не напоминало о недавних тяготах долгого морского пути. Прибыв в Тир, гость явно уделит немало времени заботам о собственной внешности, посетив и заведение цирюльника, и общественные бани, и лавки готовой одежды.

– Мессир Конрад, – почтительный, соответствующий всем канонам этикета поклон в сторону тирского правителя. – Мессир барон... – чуть менее глубокий поклон в сторону Ибелена.

* * *

Мишель де Фармер и его былой оруженосец, а нынче просто верный соратник Гунтер фон Райхерт напрочь отказались бы признавать в визитере Тирского дворца своего случай-

ного знакомого, шотландского наемника Дугала из клана Мак-Лаудов. Сэр Гай Гисборн после долгих раздумий осторожно согласился бы, что Даниэль и Мак-Лауд имеют в облике эдакую смутно уловимую схожесть. Два этих человека могли сойти за отдаленных родственников – если забыть о совершеннейшей разнице в манере вести себя, одеваться, произносить слова. В речи де Маллегрима отчетливо слышался звонкий акцент коренного уроженца графства Бургундского, и выглядел он, как подобает достойному представителю благородного сословия.

Страховидная клеймора, черно-желтый плед, подбранные вещи с чужого плеча, вечно взлохмаченная грива, пара тонких косиц – все, что некогда составляло неповторимый, надолго запоминающийся образ «Дугала Мак-Лауда», бесследно пропало. Разве что взгляд орехово-карих глаз остался прежним – цепким, чуть настороженным. Ибелен хмыкнул про себя, прикинув, в какую сумму обошлась Дугалу новехонькая черно-зеленая бархатная роскошь. Вот уж истинная погибель всем встреченным дамам и девицам.

По мысли барона д'Ибелена, Даниэлю де Маллегриму, бывшему confidentу Римской курии, ныне рассорившемуся с бывшими работодателями и перешедшему под руку тирского маркиграфа, совершенно нечего было здесь делать. Ему надлежало спешно прибыть в Константинополь – и доставить туда же весьма важные документы, угодившие к нему в руки. Однако шотландец вечно поступал по-своему: то из врожденного духа противоречия, то оправдываясь обстоятельствами. Маркиграф полагался на пройдошливого скотта, как на самого себя. Амори кельта недолюбливал, полагая того совершенно незнакомым с понятием дисциплины. Никто не спорит, толковый лазутчик должен быть сметливым и сообразительным, но когда подчиненный начинает злоупотреблять этими качествами...

– Гость в дом – счастье в дом! – с наигранной торжественностью провозгласил арабское приветствие Конрад. – Вот уж кого не ждали! Ты... привез? Где оставил? На постоялом дворе? На корабле?

– Войти не успеешь – сразу о делах. Хоть бы освежиться позволили с дороги, – буркнул гость. Ловким движением он прихватил со стола ополовиненный кубок д'Ибелена и залпом опрокинул в себя пинту ледяного шербета. Амори критически заломил бровь, но смолчал.

– О... да... – радости в голосе маркиграфа поубавилось. – В самом деле. Ты ведь проделал долгий и опасный путь... Как тебе понравилось Средиземное море?

– Я заблевал его от Сицилии до Кипра, – мрачно сообщил пришелец, присаживаясь на скамью напротив д'Ибелена. – Ненавижу море. К тому же на корабле везли паршивых вонючих лошадей. И вокруг них металась уйма вонючих крикливых арабов.

Он потянулся налить себе еще шербета, однако Ибелен поспешно забрал кубок. Наградой ему стал неприязненный взгляд confidentа.

– Лошади, значит... – с сомнением протянул Конрад. – Ну да, понимаю... Так все же, ты привез то, что обещал в письме?

– Нет, – отрезал Даниэль. И замолчал, уставившись на владетеля Тира с некоторым вызовом.

От подобной наглости маркиграф Монферратский на мгновение опешил. Затем лицо его просветлело.

– Данни, Данни! Неужели ты полагаешь, что я мог тебя обмануть?! Вот, любуйся, – на свет явился свиток из белой козловой кожи, обвитый красным шелковым шнуром с печатью золотого воска. Конрад ди Монферрато извлек его из сундука в углу залы и развернул перед носом верного соратника, укоризненно покачивая головой. – Верховья реки Черво, городок Биелла и две соседствующие с ним деревушки. Не скажу, чтобы очень богатые места, зато какие там леса, какая охота!.. Лучшее дарю, от сердца, можно сказать, отрываю! Упомянутые земли переходят под руку предъявителя сего... не знал, на какое из твоих многочисленных прозвищ делать запись, так что оставил пустое место... с момента подписания высокими договаривающимися сторонами сего соглашения о даровании ленного владения и предъявлении

оного документа бальи в городской управе Биеллы. От души надеюсь, ты не вздумаешь чрезмерно угнетать мирных вилланов. Или, следуя вашей народной традиции, учинять бунты против законного сюзерена.

На лице Даниэля Маллегрима появилось тоскливое выражение. Он смотрел на свиток глазами голодной собаки, унюхавшей поблизости мясо.

– Теперь же, будь добр, – в третий раз, как заклинание, произнес маркграф, – скажи, куда отправить людей за лоншановым архивом. Кстати, сколько там сундуков? Три? Пять? Больше?..

– Мессир Конрад, – вкрадчиво протянул гость, – дайте мне свиток... просто разрешите подержать. И я сразу расскажу вам про архив. Позвольте?

Д'Ибелен сдавленно хрюкнул.

Улыбка медленно сползла с лица Конрада Монферратского. Он спрятал драгоценный пергамент за спину.

– Ты мне и так все расскажешь, – неприятным скрипучим голосом сказал он. – погоди. У тебя что, и впрямь его нет?! Но ты же сообщал из Пуату, якобы?..

– Погорячился, – неохотно признал Дугал, изучая узоры наборного паркета у себя под ногами. – Да, когда я отправлял из Пуату то письмо, был у меня ваш ненаглядный архив. Пять сундуков. Черных, с бронзовыми уголками, набиты телячьими шкурками под самую крышку. Но потом, как бы так выразиться... превратности дороги... византийские лазутчики, лангедокские волкодлаки, английские рыцари... В общем, был, да теперь нету. Уплыло ваше сокровище.

– Куда? – рявкнул Конрад. – К Андронику? А может, к Саладину?

– Ну, понимаете ли... – замялся конфиден. – В дороге я малость перестарался, строя из себя верного слугу мадам Элинон. Моим спутником был благородный, но чересчур прямодушный сэр из свитских принца Джона. Я из шкуры вон лез, чтобы убедить его, мол, я самолично правая рука старой королевы. Только сей отважный паладин оказался излишне подозрителен. В Марселе он выждал подходящий миг и удрал вместе с сундуками, отважно вырвав архив из моих грязных лап. Думаю, в гавани он сел на первый попутный корабль, отходящий на Тринакрию...

– ...И теперь в Мессине миледи Элеонора тихо ликует, – завершил фразу молчавший до того барон Амори.

– Ну и пусть мадам порадует на старости лет, – язвительно хмыкнул чуть приободрившийся Дугал. – Она ведь ваша верная сторонница, так? Союзники должны доверять друг другу. Или там, в архиве, отыщется что-нибудь интересное про тайные делишки вашей милости?

– Заткнись! – прикрикнул на кельта Монферрат. Досада, разочарование, желание стереть неудачливого лазутчика в порошок – все это поднималось горячей приливной волной, угрожая вот-вот выплеснуться наружу. Мессир Конрад чуть слышно скрипнул зубами. Уже несколько месяцев он почитал драгоценный архив Лоншана своим. Строил планы, рассчитывал, каких новых союзников сможет привлечь на свою сторону, от каких соперников избавиться.

И вот – все пошло прахом!

Из-за кого, спрашивается? Из-за человека, которому он доверял, которого считал едва ли не одним из ближайших соратников! Проклятие, ну как Данни мог допустить такой вопиющий промах? Ведь с предыдущими поручениями шотландец справился безукоризненно! Теперь бумаги в руках хитроумной Элеоноры, и та не преминет при удобном случае пустить их в ход. Один Господь ведает, что творится на уме у старой аквитанской лисицы! Да уж, с такими союзниками и врагов не понадобится!

Должно быть, маркграф не сумел полностью справиться с выражением своего лица. Дугал виновато заерзал на скамье, а Ибелен желчно предположил:

– Существовал ли он вообще, сей злокозненный похититель?

Конфидент хмуро покосился на Амори.

– Знаю, у вашей милости ремесло такое – всех подозревать. Только я мессира Конрада никогда прежде не обманывал и впредь не собираюсь. Все было именно так, как я говорю, – отрезал он. – Везение не бесконечно, сами знаете. И потом, ежели б я в самом деле перепродал архив... Неужто я явился бы сюда, потчевать вас небылицами?

– Причем изо всех сил настаивал бы на своей безупречной честности, твердя, что стал жертвой обстоятельств. Ты хоть предполагаешь, сколько умников до тебя пыталось служить двум господам одновременно? Где они теперь, что с ними случилось? – д'Ибелен многозначительно взглянул на сюзерена. – По моему твердому убеждению, мессир Конрад, пришло время продолжить сию познавательную беседу в более уединенном месте. Краткое изложение правдивого рассказа нашего неосмотрительного друга я представлю вам к завтрашнему утру. Я как раз недавно взял на службу одного сирийского умельца. Раньше он служил при багдадском дворе. Уверяет, якобы знает способ развязать язык самому закоснелому молчуну. Вот и выпал прекрасный случай проверить нашего мастера в деле.

– Мессир Конрад! – с отчаянием в голосе, то ли наигранным, то ли настоящим, воззвал Дугал.

Украдкой он бросил быстрый взгляд на окна, убедившись, что для лихого бегства они ну никак не подходят – узкие, стрельчатые, да еще и забранные решеткой. Оружие у скотта, как и у прочих посетителей маркграфа, отобрали при входе во дворец, но если разжиться тяжелой скамьей... Впрочем, шотландец искренне уповал на то, что дело разрешится миром. Конрад Монферратский был, пожалуй, лучшим из его работодателей. Маркграф всегда проявлял себя разумным и расчетливым человеком. Он поймет сложные обстоятельства, в которых оказался верный конфидент, и согласится с тем, что Дугал не виноват. Он сделал все, что мог. Не его вина, что честнейший и простодушный Гай учинил компаньону такую подлость.

– Чем мне доказать, что я не лгу? Ведь я мог исчезнуть тихонько с полученным за архив золотишком, и дело с концом. Но я сижу здесь, в вашем дворце. Оправдываюсь, хотя ровным счетом ни в чем не виноват!

– Та-ак, так! – нехорошо оживился д'Ибелен. – Значит, золотишко-то все-таки получил? Мало показалось, а?

– Проклятье! Я в том смысле, что *если бы* получил...

– Ах, беда! – издевательски ахнул барон. – Не иначе, обманул тебя эпарх – он с добычей, ты с носом?! Я всегда говорил, не связывайся с византийцами, плохому научат...

– Да какие, к дьяволу!..

– Прекратите, вы оба, – усилием воли Монферрат наконец справился с нахлынувшим раздражением. Ничего не поделаешь, в жизни бывают не только победы, но и горькие поражения. – Амори, ты решил перещеголять в коварстве дознавателей базилевса Андроника? Поздравляю, мессир, вы уверенно продвигаетесь к избранной цели. Даниэль, ты не оправдал возложенных на тебя надежд и связанных с тобой планов. Потому – не обессудь. Ты по-прежнему у меня на службе.

– А!.. – издал скорбное восклицание Дугал, когда пергамент с текстом ленного договора воткнулся в разъявленную до ушей пасть бронзовой лягушки-жаровни. – Ваша милость! За что караете?..

– За дело, – отрезал Конрад. – Важное, но проваленное. Господин барон, отныне сей неудачливый лазутчик становится вашей личной собственностью. Прихватишь его с собой в Константинополь, Амори.

– Да я ведь только что приехал! Далась мне ваша Византия! – попытался возмутиться Дугал, но, укрощенный единственным косым взглядом маркграфа, прикусил язык.

– Возьмешь его с собой, – с нажимом повторил Монферрат. – Пусть сапоги тебе по утрам чистит, что ли, или поклажу носит...

– Как будет угодно вашей светлости, – коротко хмыкнул Амори и небрежным взмахом руки указал Дугалу на дверь. – Обождите в коридоре, милейший. И не забудьте покрепче закрыть за собой дверь.

Человек, именовавший себя Даниэлем де Маллегримом, отчетливо скрипнул зубами, но подчинился, выйдя из комнаты.

Середина ноября – начало декабря.

Константинополь.

С высоты чайачьего полета обширная гавань Золотого Рога предстает в своем истинном обличье – изрезанного большими и малыми бухтами берега Мраморного моря, водное пространство между коими рассечено далеко уходящим в море Палатийским мысом. К дальним западным областям гавани примыкает квартал Раковин, за века насквозь провонявший запахом гниющих и разлагающихся моллюсков-виссонов.

Небольшие округлые ракушки пурпурниц, добытые ныряльщиками у малоазиатского побережья, привозят сюда тысячами и тысячами. Усилиями и старанием красильщиков из сотни безжалостно взломанных и сгнивших раковин будет добыто несколько капель драгоценнейшего темно-фиолетового пурпура, идущего на создание знаменитейшего в мире византийского шелка. Того, из которого ткуются одеяния правителей в Византии, Италии, Греции, Святой Земле и даже варварской Европе.

Пурпур – ткань, один локоть которой порой стоит больше, чем участок плодородной земли с виноградником. Создают его ткачи-серикарии и красильщики, чьи руки за годы работы приобретают не смываемый ничем густо-лиловый оттенок. Квартал, по которому незнакомый с традициями Константинополя и непривычный человек не сможет пройти, чтобы его хоть разок да не стошнило. Миллионы жужжащих мух, плодящихся на разложенных под солнцем и медленно разлагающихся раковинах. Сохнувшие под бдительным присмотром на морском ветру отрезки драгоценной ткани.

К покосившимся причалам вдоль квартала Раковин не приходят большие суда из иных стран, везущие редкостные товары и посольства ко двору базилевсов. Здесь бросают якоря тысячи маленьких рыбацких плоскодонок, неприметные корабли, доставляющие очередной груз пурпурниц, быстроходные суденышки, что появляются исключительно под вечер и редко задерживаются на ночь. Западная Бухта, она же гавань святой Агафьи – рыбный садок столицы и постоянный источник беспокойства для сыщиков эпарха. Здесь свои порядки, свое наречие, свои законы. Обитатели Западной стороны нечасто появляются в самом городе – их улов распродает целая свора посредников, денно и нощно околачивающихся на пристанях. Место совершения сделок, здешний маленький Палатий и Дворец Юстиции в одном лице – таверна «Дырявые сети», что как раз напротив Птичьего причала.

Именно там старший мастер, он же хозяин крохотной мастерской по изготовлению лодок-хеландионов опрокинул поднесенный стакан, обмывая продажу своего очередного детища.

Вообще-то почтенный Фока Дгур, лодочных дел мастер, придерживался убеждения, что конец осени – не самое подходящее время для приобретения суденышка. Спрос на лодки настанет ближе к концу зимы и наступлению весны, когда многочисленные рыбацкие артели потянутся на взморье. Конечно, ставриду и кефаль на Мраморном море ловят круглый год, но зимой серебристые стаи уходят все дальше и дальше от берега. Рыбаки, кроме самых отчаянных или безденежных, сидят по домам или тавернам, проедавая и пропивая летние доходы, чиня сети и предаваясь воспоминаниям о минувшем лете.

В сарае, где Дгур и его подручные превращали груды еловых и сосновых досок в очередную плоскодонку, вместительную, с широкой кормой и узким носом, тоже царило временное затишье. Большинство лодок продано, оставшиеся сложены в штабеля и накрыты просмоленным холстом до следующей весны.

Неожиданный покупатель не выглядел бедствующим или дошедшим до последней черты. Он просто заглянул в распахнутую дверь, окликнул хозяина и поинтересовался, найдется ли лодка для продажи. На греческом он изъяснялся не слишком чисто, но внятно и разборчиво. Чем немало удивил кирие Дгура – ибо его посетитель оказался франком. Долговязым, лохматым детинушкой, державшим себя так, будто весь мир принадлежит только ему.

Хеландион он купил после долгого и отчаянного торга, доставив тем почтенному Фоке несказанное удовольствие – ведь половина удачной продажи кроется именно в рьяной перебранке из-за лишнего медного фолла. Покупку вытащили из сарая, доволокли до причалов и спустили на воду, по обычаю выплеснув на днище кружку вина. Затем, также следуя традиции, продавец и покупатель отправились в «Дырявые сети». Не удержав свое любопытство на приязни, Фока пожелал выяснить, кому именно он продал свое детище.

Ответ был краток: франка звали Бьярни, он служил десятником у Конрада Монферратского, а когда тот два года назад рассорился с базилевсом и подался в Тир, смылся. Несмотря на устрашающий вид, Бьярни предпочитал мирную, а не военную жизнь. Ему совершенно не хотелось резаться с сарацинами во имя спасения Святой Земли.

После третьего кувшина Дгур призадумался: не сдать ли собутыльника властям. Все-таки дезертир, бежал от своего господина. И еще неизвестно, откуда у него столько денег. Но, глянув повнимательнее на обманчиво простодушную физиономию франка, почтенный Фока рассудил, что будет разумнее промолчать. Кто знает, вдруг у варвара сыщутся друзья, которые не сочтут за грех плеснуть ночью на стены лодочного сарая Дгуров масла и поднести факел? Да и выгода невелика – за проданную лодку он получил пятьсот фоллов, за донос выручит в лучшем случае кератий. Мелкой монетой.

Остаток дня франк крутился вокруг своего приобретения. Залезал внутрь, дергал канаты, скреб ногтем медные уключины для весел, пересаживался со скамьи на скамью, лазал в маленький сундучок под кормовой скамейкой. Покупка явно пришлась ему по душе. Только под вечер, старательно привязав хеландион по соседству с тремя другими такими же, он, чуть пошатываясь, удалился.

Добросовестность иноземца не ведала границ. На следующее утро он потащился в Рыбачью управу, внеся скучающему письмоводителю установленный налог на владение лодкой и мзду за право осуществлять ловлю рыбы в пределах гавани Золотого Рога и Пролива. В учетную книгу держателей малых судов его вписали как Бьярни сына Виглафа, свободного уроженца города Бергена, отныне – одного из почтенного сообщества константинопольских рыбаков.

– Апостолы тоже рыбку ловили, – непонятно высказался фальшивый Бьярни, выйдя из Управы и крутя на пальце две выданные медные бирки с выдавленным номером. Одну бирку, как требовал закон, он тщательно приколол к носу своей плавучей собственности. Вторую прицепил к поясу. Нанял троицу скучающих на берегу бездельников, поручив им выкрасить плоскодонку в синий цвет. И исчез, объявившись спустя пару дней.

Если бы кто-то дал себе труд проследить за перемещениями и действиями новоиспеченного рыбака Бьярни, то был бы весьма удивлен. Франк закупил все необходимые принадлежности для ловли рыбы как забрасываемой с кормы треугольной сетью, так и с помощью шнура с наживками, но в море ни разу не вышел.

Зато на берегу он не знал покоя. Появившись в Константинополе в середине ноября, франк целыми днями шатался из конца в конец города, порой даже нанимая лодочника для переправы через Босфор.

Бьярни – вернее сказать, Дугал – наведывался то в кварталы черни, то в усадьбы Старых Семейств, то в лавки – дорогие и дешевые, то в мастерские-эргастии. Где-то он перебрался парой слов с продавцом или привратником, где-то задерживался для долгой беседы. Иногда оставлял собеседникам небольшие суммы, иногда совершал покупки, иногда просто вставал и уходил. Бойкого помощника торговца из рыбной лавки около Милия, с коим кельт долго осуждал достоинства и недостатки разложенных на прилавке рыб, скотт подкараулил в темном углу, когда тот возвращался домой. Напал сзади и свернул шею, небрежно спрятав труп в бурьяне под забором.

Порой встречи Дугала выглядели прозаическими, порой – весьма таинственными. Так, однажды он до сумерек околачивался подле парусного склада венецианского торгового дома, пока из темноты не выскользнул некий тощий и ободранный нищелюб. Нищий пребывал в состоянии, близком к панике. Он даже на глаза толком показаться не рискнул, отчего разговор велся весьма причудливым образом. Дугал сидел на корточках, привалившись к прогнившему и чудом сохранявшему вертикальное положение забору. Его собеседник ежился с другой стороны, часто стуча зубами и глотая окончания фраз.

– Уеду я отсюда, – заполошно бормотал он. – Завтра же. Куда подальше. Жить охота. Всех переловили, никого не осталось. Продала нас какая-то сволочь. Мне повезло, удрал вовремя. Теперь тут прячусь, у «ночных рыбаков». Второй месяц уже пошел. Спать боюсь – вдруг продадут? Вдруг выследят? Дай денег, а?

– Дам, дам, – посулил шотландец. – Только скажи сперва: узнал, чего было велено?

– Ничего не знаю, – заныл нищелюб. – Кривой Сеса врал, будто разнюхал, а где теперь Кривой? В Нумерах с голодухи помирает, точно тебе говорю. Мое-то дело маленькое, сбегай-посторожи... Вот и досторожился. От любого шороха шарахаюсь. Мне б уехать... Спрячусь, нипочем не сыщут. В монастырь какой подамся, они своих на расправу не отдают... Деньги-то дашь?

– Лови, попрошайка, – тяжелый мешочек перелетел над досками. Послышалось торопливое шлепанье ног по земле. Дугал посидел еще немного, обдумывая услышанное, и побрел по хмурым константинопольским улочкам домой. Идти ему пришлось довольно долго. Пару раз его самоуверенно попытались ограбить, однажды задержал патруль ночной стражи, отвязавшийся только после предъявления медной бирки и уплаты дюжины фоллов.

В конце концов кельт свернул в низкую темную арку одного из ветхих домов, что выстроились вдоль безымянного кривого переулочка на задворках площади Тавра. Домишко принадлежал голосистому, разветвленному и весьма небогатому семейству, охотно предоставившему заезжему чужеземцу в найм сарайчик на задворках. Впрочем, по сравнению с местами, где Дугалу порой выпадало жить, сарай выглядел настоящим дворцом. Даже крыша не протекала.

На следующее утро шотландец первым делом направился на шумную Золотую улицу, навестив большую лавку пряностей. Поглазев на разложенные образчики товара, купил связку засоленных крабьих лапок и удалился, шумно чавкая и выплевывая обсосанные клешни.

Невиннейшую покупку можно было в точности уподобить медному шарiku в недрах замысловатого эллинского устройства. Тронувшись от легкого толчка с места, шарик покатился вниз по желобу. Задевая рычаги, сдвигая противовесы, вынуждая незнакомых между собой людей доставлять весточки на другой край города. Пощелкивая и скрипя, механизм трудился – и наступивший вечер принес франку небольшой сюрприз.

Некто, пожелавший остаться неизвестным, подsunул под щелястую дверь хибары послание: пергаментный пакет с лежащим внутри бронзовым ключом и прицепленной к нему бляшкой. На бляшке красовалась глубоко вытравленная арабская цифра «семь». Строчки на отрезке пергамента лаконично поясняли: ключ означает оплаченное посещение общественных терм, что на улице святой Харисины. Приходить после девятого часа.

– Угу, – размашисто кивнув, сказал сам себе Дугал. Глянул по сторонам, как бы в рассеянности стирая тупой стороной ножа буквы с отрезка телячьей кожи. Ключ он тщательно спрятал за пазуху, конверт и письмецо похоронил на квартальной свалке под слоем мусора.

После визита в термы интересы скотта внезапно переменились. Долговязая фигура замелькала в кварталах мастеровых, исполняющих дворцовые заказы, и подле хозяйственных врат дворцового комплекса. Дважды кельт проникал за стены дворца – как добропорядочный помощник либо слуга одного из давних поставщиков провизии в палатийские кухни.

Именно там, в кухнях, Дугал столкнулся с гвардейцем дворцовой стражи, заглянувшим к знакомой поварихе перекусить и поболтать. Гвардеец, вот удача, оказался земляком фальшивого Бьярни из Бергена. Не слишком доверяя собственным подданным, базилевсы предпочитали в качестве охранителей своей драгоценной персоны иноземцев из варварских франкских земель или лежавшего за Черным морем царства Грузинского.

Грандиозная пьянка, устроенная Бьярни для нового приятеля и его собратьев по оружию, имела неплохие шансы войти в палатийские летописи. Норманнские варвары орали воинственные песни, передрались между собой, превратили в щепки всю мебель в отведенной им трапезной, насмерть перепугали нанятых персидских танцовщиц и под конец спалили старое здание конюшен, по счастью, пустующее. Десятники наперебой зазывали Бьярни вступить в базилевсову гвардию, суля быстрое продвижение по службе и неплохой заработок. Тот обещался крепко подумать.

Однако во дворцах Палатия он более не появился. Перебравшись в бухту святой Агафьи, Дугал приобрел хеландион, которым не пользовался. Три или четыре вечера кряду скотт провел в «Дырявых сетях», щедро ставя выпивку собеседникам и развлекая посетителей своими байками. Громогласный франк не делал секрета из того, что намерен использовать купленную лодку вовсе не для мирного рыбного промысла, и вскоре добился своего – привлек внимание «ночных рыбаков». Столь обходительным прозвищем именовало себя разветвленное и почтенное сообщество контрабандистов византийской столицы.

Попытка Дугала свести с Ночной Гильдией более близкое знакомство обернулась краткой, но яростной потасовкой. Наученные горьким многолетним опытом «рыбари» сочли его темной лошадкой из эпарховой конюшни, засланной выведать, не нарушает ли Гильдия отведенных ей границ и блюдет ли поставленные ей условия.

В драке кельта изрядно приложили по затылку трактирной скамьей, а сам он успел своротить с полдюжины носов и челюстей. Тяжелые и меткие кулаки полоумного франка стали решающим аргументом в его пользу – многомудрый эпарх наверняка бы прислал в гавани менее приметного соглядатая.

После примирения за кувшином темного хиосского вина – примирения столь же бурного, каким было недавно затихшее побоище – кошель Дугала оскудел еще немного. Шотландец внес добровольное пожертвование в помощь Гильдии, и через несколько дней впервые отвязал свой хеландион от причала.

Управляться с рулем и парусами ему не доверили, этим занимались люди более опытные. Недовольно бурчавший Дугал сидел на днище, смирно выполняя незавидную роль балласта и наблюдателя. Три плоскодонки зигзагами прошли вдоль береговой линии, поравнялись с Палатийским мысом и вернулись обратно.

Дугал остался чрезвычайно доволен прогулкой. О том, как он ненавидит мореплавание и все, с ним связанное, кельт ни разу не заикнулся.

* * *

В термы на улице святой Харисины – устроенные по римскому образцу, с большой общей фиалой-бассейном и двумя дюжинами маленьких отдельных кабинетов – шотландец явился

едва ли не за час до назначенного срока. Служка при входе, подросток-араб, цепко глянув на предъявленную бирку, склонился в низком поклоне и молча провел гостя к нарядным, в золотых арабесках, дверям, украшенным той же цифрой «семь». С негромким щелчком повернулся в замке ключ, открывая доступ в маленький рай, предназначенный только и исключительно для праздного отдохновения. Отделанная зеленоватым мрамором ванна в полу, над которой склонилась безвестная эллинская богиня с точащим воду кувшином, кресла, кушетки, столик со снедью – и вся эта роскошь в полном распоряжении посетителя!

Взгляд Дугала исполнился нехорошей задумчивости. Задумчивость через мгновение сменилась алчностью.

Тот, кто назначил и оплатил встречу, прибудет нескоро. Терять же время даром было не в привычках кельта.

Сцапав первый подвернувшийся кувшин, Дугал опробовал его содержимое, довольно крякнул и настойчиво забренчал в медный колокольчик. Прибежавший на звон мальчишка выслушал требование гостя, отрицательно покрутил бритой головой и умчался за старшим прислужником.

Почтенный с виду и умудренный годами служитель терм поначалу тоже проявил неговорчивость, часто кланяясь и через слово, как молитву, твердя: «У нас приличное заведение» и «хозяин непотребств не жалуется».

Заплясавшая в пальцах гостя новехонькая номизма без труда повернула течение разговора в иную сторону. Когда же к монете добавилась ее родная сестренка, речь прислужника заструилась медовым потоком. Ее перемежали клятвенные обещания наилучшим и наибыстрейшим образом исполнить любые пожелания господина – и загодя предупредить его о том, когда в термы пожалует его компаньон, тоже франк родом.

Назначенный в дозор подросток-араб отнесся к своим обязанностям наплевательски. Увлеченно подглядывая в просветы между золотыми завитушками за происходящим в кабине, он упустил миг, когда в коридор размашистой походкой вошел белобрысый иноземец. Здравомысленно рассудив, что теперь колотить по створкам все равно бесполезно, мальчишка тихонько улизнул. Пусть неверные сами разбираются между собой.

Невысокий, плотного сложения блондин с холодными светлыми глазами отомкнул дверь ключом с биркой «семь». Бесстрастно воззрелся на удобно расположившуюся в неглубокой купальне парочку в нарядах Адама и Евы – полулежавшего Дугала и сидевшую на нем верхом пухленькую чернявую красотку. Девушка бойко подпрыгивала, отрабатывая полученную мзду и одновременно успевая трещать языком.

Запоздавший посетитель отступил в коридор, с негромким стуком прикрыв створку. Лицо его сохранило выражение полнейшего равнодушия. Спустя на удивление краткое время девушка, закутанная в длинное одеяние нежно-розовых оттенков, с достоинством прошествовала мимо. В дверях она задержалась, послав Дугалу обворожительную улыбку и воздушный поцелуй.

– Без этого никак было не обойтись? – хмуро осведомился Амори д'Ибелен, войдя в кабинет во второй раз. Скотт сидел на прежнем месте, мечтательно глаза в потолок и довольно жмурясь. Совершив огромную уступку правилам приличия, он даже обмотал бедра полотенцем.

– Зато никаких подозрений, – жизнерадостно осклабил он, лениво салютуя вошедшему полупустой чашей. – Вот ежели бы я не пригласил эту милую деву, хозяин и прислуга сразу бы насторожились: отчего дикий франк пришел в термы и пребывает в одиночестве? Не иначе, вынашивает злодейский умысел! А потом к нему присоединяется соотечественник – и они начинают вынашивать планы уже вдвоем! А так все в порядке. Все знают, что варвары из Европы сами не свои до разврата и симпатичных девчонок. Вы не переживайте, месье барон, о вас я тоже позаботился. Как только свистну, дорогуша Мэри вернется с подружкой.

– Мэри, – удрученно повторил Ибелен, рушась в жалобно скрипнувшее кресло на львиных лапах. – С подружкой. Скажи честно, ты моей смерти добиваешься?

– «Мэри» выговорить проще, чем ее настоящее греческое имечко, – хмыкнул кельт. – Хотите, забавы ради я уговорю ее стать моей осведомительницей? Хотя она, как и милейший хозяин, наверняка верно служит епарху Дигенису. Сколь поразительный человек, должен заметить! Все хором твердят, якобы из него давно песок сыплется, а бойкий старец успевает везде и повсюду сунуть свой любопытствующий нос...

– Данни, – Амори отыскал среди кувшинов на столе непочатый, вытащил пробку и, мрачно зыркнув по сторонам, отхлебнул прямо из горлышка, – сделай одолжение. Помолчи.

Шотландец послушно заткнулся. Про себя он отметил, насколько скверно выглядит его покровитель – осунувшийся, с залегшими под глазами коричневыми глубокими тенями и примерзшей к лицу маской скучающей вежливости. Кельту не требовалось задавать лишние вопросы, он и так знал причины, по которым тирский барон впал в столь плачевное состояние. Превосходная, обширная сеть лазутчиков, созданная трудами д'Ибелена, улавливавшая как дворцовые, так и городские новости, исправно снабжавшая Тир разнообразными и полезными сведениями, теперь зияла огромнейшими дырами и прорехами.

Дугал лично проверил многие из звеньев умолкшей более месяца тому назад цепи, обнаруживая в условленных местах то обгоревшие руины, то людей, въехавших сюда пару седмиц назад, то компании бездельников с подозрительно шныряющими по сторонам глазами. Сеть объединяла людей самых разных положений и титулов, от нищих и торговцев, до служащих канцелярии градоправителя и придворных Палатия – и большинство из них постигли внезапные и трагические неприятности. Здание, возведенное Ибеленом, угрожающе раскачивалось, угрожая рухнуть и придавить своими обломками оказавшихся поблизости неосторожных.

Посидев немного в молчании, Амори перевернул кувшин над бокалом, но из горлышка вытекли только несколько запоздалых капель. Под беззвучное проклятие сосуд улетел в дальний угол, оставшись лежать там горсткой осколков, а барон потянулся за следующим.

– Напиться, что ли? – тоскливо спросил он то ли у Дугала, то ли у безответной мраморной девы. – Так ведь ничего не изменится... Поверить не могу – как, как проклятый Дигенис добился таких поразительных успехов? Все сходится на том, что он одержал верх по чистой случайности. В его руках оказался один из моих людей. Знавший немного, но все-таки знавший. Его выпотрошили, точно рыбу на прилавке – и, пользуясь полученными сведениями, схватили тех, с кем он вел дела. Те, в свою очередь, указали своих знакомцев и поделщиков, а в итоге, в итоге...

Способность долго предаваться отчаянию отнюдь не являлась основной чертой характера д'Ибелена. Правая рука Конрада Монферратского встряхнулся, подхватил с блюда серебряную палочку с нанизанным на нее местным лакомством – вываренными в меду персиками. Откусил кусочек и, жуя, отрывисто бросил:

– Новости есть?

– Только скверные, – в нескольких словах Скотт описал свои последние встречи и визиты, уныло подытожив: – Куда бы я ни заглядывал, мне были не рады.

Амори меланхолично покивал, размышляя о чем-то своем, и внезапно хлопнул ладонью по широкому подлокотнику кресла. Не ожидавший столь резкого и громкого звука Дугал чуть вздрогнул, вопросительно уставившись на работодателя.

– Ты ведь знаешь, что византийский кесарь заключил мирный договор с Барбароссой? – спросил д'Ибелен привычным деловитым тоном. И сам себе ответил: – Наверняка знаешь. Об этом, по-моему, только глухой не слышал. Андроник сулил крестоносному воинству проводников, провизию и корабли для переправы через Босфор. Соглашение подписывали в прошлом году, при посредничестве мессира Конрада... Теперь слушай внимательно, – Амори слегка наклонился вперед, что для него было равнозначно сильнейшему душевному волне-

нию. – Через два-три месяца германцы пересекут границу Византии. А я только сейчас удостоверился в том, что кесарь не намерен выполнять им же предложенные условия!

– Бывает, – осторожно высказался Дугал. – Мнение сильных мира сего переменчивее ветра. Хотелось бы только знать, отчего ему вдруг вздумалось разорвать соглашение... Кстати, ваша милость, вы видели его?

– Соглашение?

– Императора.

– Видел, – отмахнулся д'Ибелен, словно речь шла о чем-то незначительном. – Седмицу тому. Роскошная парадная аудиенция в лучших византийских традициях, аж в глазах рябило от золота на пурпурном фоне. А почему он передумал...

Амори опрокинул свой кубок, с сомнением покосился на каменную богиню, на забраные позолоченной решеткой темные отверстия отдушин и сливов, и негромко произнес:

– Если хочешь знать мое мнение, оно таково: базилевс повредился рассудком. Под бременем прожитых лет, от здешних хитроумных интриг или еще от каких причин – не ведаю и знать не хочу. Сам понимаешь, это не первые в моей жизни переговоры, я вроде бы уже навидался всякого. То, что происходит в Палатии... Оно не идет ни в какое сравнение с тем, что творилось в Иерусалиме или при Тивериаде. Тогда я был уверен, что мои собеседники, враги они или союзники – люди разумные, сознающие смысл своих слов. Сейчас же... сейчас я представления не имею, как вести дело с человеком, облеченным императорской властью, но не имеющим власти над собственным разумом! Он говорит одно, спустя миг – иное, и, что ужаснее всего, я не в силах отличить, в какой миг берет верх безумие, а в какой он просто насмехается над растерявшимся франком! Закончился прием тем, что меня крайне вежливо, но непреклонно вытолкали вон, настоятельно присоветовав поскорее вернуться в Тир!

– Могли и не вытолкать, – задумчиво протянул шотландец. – А, к примеру, вежливо и благопристойно пригласить на торжественный обед по случаю вашего появления в Константинополе. Потом я сидел бы и гадал: куда запропастилась ваша светлость, отчего не дает о себе знать?

– Тьфу на тебя, – вполне искренне сплюнул Амори. – Хотя мне и в самом деле повезло. Посланцев Барбароссы, скажем, я так и не смог повидать. Стража на воротах твердит одно – никого не велено пускать. Сдается мне, дом наверняка пустует, а его обитатели пребывают за решеткой. Если вообще еще живы.

– Ну хорошо, – Дугал с плеском выбрался из бассейна, усевшись на краю. – То есть я хотел сказать – ничего хорошего, все плохо. Но ведь вы, мессир Амори, наверняка не собираетесь прятаться за надежными тирскими стенами?

– Конечно, не собираюсь, – взгляд водянисто-бесцветных глаз Ибелена, вроде бы еще мгновение назад рассеянно блуждавший по купальне, цепко впился в собеседника. – Твоим беспечным прогулкам по великому Константинополю наступает конец. Мне нужно, чтобы ты отыскал способ проникнуть в Палатий. Срок – месяц или чуть меньше, начиная с сегодняшнего дня. И, – барон на единственный краткий миг недовольно скривился, – не дожидаясь твоего следующего вопроса, отвечаю – «да». Ты получишь определенную сумму, которую сможешь использовать по своему усмотрению.

– Большую? – немедленно оживился конфидендент.

– В разумных пределах, – отрезал Ибелен. – Отчитаешься за каждую потраченную номизму, запомнил?

– Мессир Ибелен, да вы просто скряга, простите на честном слове! – возмутился Дугал. – Трясетесь над каждым золотым, ровно еврейский ростовщик! А таки что с этого буду иметь я, простой и скромный исполнитель ваших приказаний? Вашу и мессира Конрада безмерную благодарность? И еще, мессир Ибелен. Мне нужно побольше разузнать об этом хваленном Палатии. Где какие здания расположены, много ли стражи, часто ли совершаются обходы, ну хоть

что-нибудь! Не могу же я наобум сунуться в неведомое место, да еще рассчитывая уйти живым! Или живым я вам с его светлостью Конрадом уже не требуюсь? – последнее было добавлено с изрядной долей ехидства.

– Не говори ерунды, – проворчал Амори. – Сведения я тебе постараюсь добыть. Если... если все получится, обещаю: я лично похлопочу о возобновлении договора между тобой и мессиром Монферратом. Относительно земель в верховьях реки Черво.

– А коли меня схватят?... – поддел собеседника кельт.

– Тогда не обессудь и не поминай имени моего все. Я оставил Константинополь месяц назад. И вообще я тебя не знаю и никогда в глаза не видел, – с коротким злым смешком отозвался тирский барон. Выбрал на блюде большое спелое яблоко в алых прожилках и с хрустом откусил изрядный кусок. Шотландец с нарочитым равнодушием повел голыми плечами:

– Хотя бы честно. Кого собираетесь возводить на освободившееся теплое местечко? Вдовицу? Я слышал, у старика Андроника жена ровно на полвека его моложе. К тому же прехорошенькая – если верить сплетникам на рынках. Впрочем, у базилевса имеется вполне взрослый отпрыск мужского пола, более подходящий для должности правителя. Или... – Дугал с хитрым видом прищурился, – или мессир Конрад сам мечтает о византийском престоле?

– Ты хоть иногда думай, о чем говоришь, – укоризненно посоветовал Ибелен.

На миг Амори пригрезилась отголоски эха – не далее, как в прошлом месяце он, обращаясь к сюзерену, высказал такое же дерзкое предположение. Конрад оборвал его на полуслове – как он сейчас оборвал разглагольствующего подчиненного. Трудно все-таки с этим кельтом. Несказанно трудно. Как можно быть настолько самоуверенным? Ведь Дугал ни полусловом не заикнулся о том, что проникновение в Палатий невозможно! Значит, он полагает, будто способен добиться успеха. Но каким образом? Может, не торопить события? Император стар. Возможно, не сегодня-завтра он отдаст Богу душу по вполне естественным причинам. А может, Андроник протянет еще с десятков лет, повергая подданных в ужас, а страну – в раздоры и разорение. Что выбрать? Как не совершить ошибки?

Д'Ибелену было не привыкать распоряжаться чужими жизнями, но своими руками приближать кончину византийского императора... Это не шло ни в какое сравнение с отправкой в горнило битвы очередного рыцарского копья или переговоров с египетским султаном относительно будущего раздела областей Святой Земли. Это нечто большее. Это – ни с чем не сравнимое ощущение того, что ты сам, собственными руками творишь и изменяешь ход истории. Летописцы занесут на скрижали исход твоих поступков, отметят, в каком году сменился правитель, дотошно исчислят земли, перешедшие из рук в руки. Никто из хронистов никогда не узнает истины, не увидит потайных рычагов и канатов, движениями которых был достигнут желаемый результат. Осознание этого скрытого могущества порой повергало Амори в трепет. Он не хотел взваливать на себя столь тяжкий груз ответственности.

Судьба все решила за него. Оставалось только надеяться, что назначенная на послезавтра встреча кое-что прояснит... Или запутает все еще больше.

Глава третья В поисках партнера...

25 ноября – 20 декабря.

Анастасиос Либри, пусть и казался не знающим удержу болтуном, взятые на себя поручения исполнял тщательно и истово. Уже через седмицу после беседы с английским рыцарем грек появился в прецептории, торжественно шлепнув перед Гаем недлинный список. На греческом и латыни. Вглядевшись, сэр Гисборн узрел три женских имени и подробную роспись с указанием, где проживает каждая из названных дам. Имена для непривычного франкского слуха звучали таинственной и многообещающей песней: Ираида, Евангелина, Теодорика...

– Все хорошего рода, молоды, рыжеволосы, стройного сложения и недавно вернулись в Константинополь после долгого отсутствия, – заверил Либри. – Возможно, одна из этих прекрасных девиц окажется именно той, что вам нужна. Желаю удачи, кирие Гай. Если не достигнете успеха – продолжим поиски.

Ободренный столь быстрыми результатами, сэр Гай выступил в поход.

Первый же визит наглядно показал трудности, с коими предстояло столкнуться отважному паладину.

Поместье Вранасов, где проживала некая дева Ираида, отделялось от прочего Константинополя высоченной стеной с воротами, самую малость уступавшими в размерах надвратным укреплениям Дуврского замка. Некоторое время Гай озадаченно изучал монументальное сооружение из-под навеса расположенной напротив лавки древностей. Постучаться и прямо сказать привратнику: мессир Гисборн из королевства Английского желает узреть молодую госпожу Ираиду Вранасу? По какому делу? Ну, мессир Гисборн имеет основания полагать, что она может оказаться его знакомицей по путешествию через Францию...

Прислуга уходит в дом, передавать новость хозяевам. Спустя миг во двор вылетают разгневанные господа Вранасы, размахивая чем-нибудь острым и железным. Оклеветанная девица рыдает, уверяя, что ездила на богомолье в Конью и никогда в жизни не бывала во Франции. Скандал на всю округу.

Поразмыслим также вот о чем. Допустим, он счастливчик, с первого раза выбросил трех коней. Здешняя леди Ираида и есть Изабель. Вряд ли она горит желанием встречаться с бывшим попутчиком. Вдруг девица сочтет, что Гай заявился на другой конец мира, ведомый желанием отомстить ей? Или ему поручено увезти ее в Лондон. Как уличенную лазутчицу Империи, для последующего суда и казни. Тогда она просто откажется его видеть. Прислуга скажет, госпожи тут нет и никогда не было...

Не через забор же лезть!

Так и не придумав способа повидать обительницу дома Вранасов, ноттингамец решил попытать счастья в соседнем квартале, у Гаридов. Однако и там его ждало разочарование в образе крепких ворот и мрачного сторожа, упорно не понимавшего ни латыни, ни родного греческого, ни языка золотых монет.

Пришлось вновь идти на поклон, за советом.

Господин Анастасиос хохотал над франкскими зловключениями долго и со вкусом. Отсмеявшись, выразил сочувствие, объяснив, что задуманное Гаем требует терпения и определенных расходов. Для начала надо постараться свести знакомство со слугами дома – лучше всего со служанками помоложе. Девицы до чрезвычайности падки на чужие секреты и маленькие подарки. Через них наверняка получится выведать что-нибудь полезное касательно их хозяек.

Вдобавок, на счастье кирие Гая, грядет Рождество. Всякое богобоязненное семейство считает своим долгом в предпраздничные недели посетить храм своего квартала – да не единожды. Присоединитесь к процессии и высматривайте свою незнакомку.

Способ оказался действенным. За неделю англичанин доподлинно убедился, что ни одна из трех высокородивших византиек не является мистрисс Уэстмор.

– Не она? – Гаю не понадобилось открывать рот – кирие Либри все угадал по разочарованному выражению лица иноземца. – Досадно... Что ж, сегодня вместо девичьих имен я раздобыл для вас кое-что прелюбопытное, – мессире Гисборну торжественно вручили блестящую серебряную медальку на цепочке и перевязанный бечевой большой мягкий тюк. – Завтра у нас маленький праздник, день святого Агапия. Знатные господа из итальянского и венецианского подворий отправляются в Палатий. Созерцать дворцы, торжественный выход императора Андроника к подданным и публичное моление Порфирородного. Вы можете к ним присоединиться. С вас безант за право входа и хлопоты. Вот пропуск во дворец, вот надлежащая случаю одежда. Завтра до рассвета нужно быть на площади Августеон. Там вас встретят и проводят. Постарайтесь не опаздывать, кирие. Желаю приятного времяпровождения.

Анастасиос испарился прежде, чем ошеломленный Гай успел поблагодарить.

Больше всего ноттингамца поразило то обстоятельство, что в императорское владение за определенную плату пускают любого желающего. Впрочем, сумма в безант, то бишь десять номизм, отнюдь не по карману всем и каждому. Но само событие, конечно, заслуживает, чтобы помнить о нем до конца жизни и рассказывать затаившим дыхание слушателям.

* * *

Собравшихся посетителей впускали не через главные ворота дворца, огромную величественную Халкидию, но через боковые, украшенные золотыми фигурами львов и грифонов, где гости расставались с жетонами на право посещения. Стражники на воротах быстро и холодно-вежливо разбивали пришедших на маленькие группки по десятку или дюжине человек, каждую из которых сопровождал распорядитель и при необходимости – толмач. Гостям Палатия несколько раз напомнили о том, что надлежит быть сдержанными в проявлении восторгов и любопытства, чинно следовать за распорядителем, не вступать в разговоры с обитателями дворцов – даже если те сами пожелают завязать беседу. Не прикасаться ни к единому предмету. Не говоря уж о том, чтобы дерзко прихватить сувенир на память. Последнее правило особенно настойчиво втолковывали всем без исключения иноземцам.

Наставленные должным образом, посетители гуськом пересекали широкий мост над неглубоким каналом – по осеннему времени на темной воде качались опавшие листья – и углублялись в лабиринт роскошных дворцовых построек.

Нескончаемый поток визитеров струился из одного помещения в другое – вроде бы неспешно, однако ж нигде не задерживаясь подолгу. Любопытный гость, неосмотрительно рискнувший свернуть с проложенной незримой тропки, со всем вежеством заворачивался обратно являвшимся неведомо откуда блюстителем либо слугами. Затаив дыхание от восторга, гости шли через огромные залы, где вместо привычных потолков было обрамленное росписями открытое небо. Тщательно разбитые сады со статуями вдоль дорожек и маленькими водопадами внезапно сменялись анфиладами маленьких, низких комнат, обильно расписанных позолотой и киноварью, а те опять переходили в бесконечные залы, галереи, ведущие вверх и вниз лестницы, часовни и павильоны. Даже беглый осмотр резиденции византийских базилиевсов повергал в трепет и смятение – так сияла повсюду обильная позолота, сверкала мозаика из драгоценных камней, полыхали разноцветьем мраморные полы и пестрели фрески на стенах и потолках.

Поражало и количество насельников Палатия. В каждом зале, в каждом саду, на всякой открытой террасе обязательно находилось живописное собрание придворных – что-то вдумчиво обсуждающих, приглушенно смеющихся, созерцательно прогуливающих.казалось, некто тщательно позаботился о том, чтобы ненавязчиво расставить их в нужных местах, наполнив величественные и пустоватые здания подобием жизни. Высокорожденные патрикии вроде бы совершенно не обращали внимания на скромно скользивших вдоль стен посетителей дворцов, с достоинством разыгрывая красочное представление «Жизнь Палатия».

«Мы настолько пропитаны фальшью, что давно перестали отличать ложь от правды. За ненадобностью, – вспомнилось Гаю безрадостное признание Льва Треды. – Это позволило нам стать мастерами церемоний, творцами величественных обрядов и непревзойденными умельцами двусмысленностей».

Исполненным почтительности шепотом провожатый оповестил подопечных, что сейчас им предстоит вступить в один из знаменитейших и прекраснейших храмов Палатия, собор во имя святой равноапостольной Елены.

«Вот интересно, много ли базилевсов там убили?..» – мессир Гисборн честно придал своей физиономии самое благочестивое выражение, на которое был способен.

Вопреки обещанному, посетителям не довелось толком полюбоваться храмом и публичным молением императора. Их быстро провели по узкому проходу в глубине огромной церкви, отгороженному позолоченной решеткой. Остановиться гостям позволили только на маленьком пятачке свободного пространства, где они пробыли не более четверти часа. Распорядитель, исполняя свой долг, протолкнул более важных и именитых гостей вперед, ближе к причудливым завиткам решетки, откуда обзор был получше.

Прочим щедро дозволялось наслаждаться зрелищем из-за спин впередистоящих. Из-под потолка плыло дивной красоты пение юношеских голосов – его могли невозбранно слушать все.

Андроник из династии Комнинов, император Византии, показался Гаю похожим на ожившую статую в одеяниях, густо затканых золотом и драгоценными камнями. Англичанин не разглядел толком ни выражения лица, ни даже облика Андроника – ибо по здешним представлениям, подданные должны видеть в своем правителе не живого человека со слабостями и недостатками, но исключительно символ торжествующей Империи. Базилевс в сопровождении священников и прислуги неторопливо передвигался вдоль золотого алтаря, возжигая свечи и благовония. Иногда он с достоинством осенял себя крестом, едва заметно склоняя голову.

Гай Гисборн и его спутники не дождались, когда император достигнет дальнего конца алтаря – в коридоре появилась следующая группка посетителей, и франкам пришлось уступить место.

При выходе десятков дворцовых служащих раздавал уходившим гостям памятные жетончики овальной формы, откованные из позолоченной меди. С одной стороны медальки было выбито изображение Богородицы, с другой – надпись по-гречески. Мессир Гисборну ее потом перевели, это оказалась фраза из Библии.

«Вдруг я сейчас проходил мимо Изабель и не узнал ее?» – с несвойственным ему прежде унылым ехидством рассуждал Гай, возвращаясь в прецепторию. Англичанин заметил, что в числе палатийских придворных были и дамы. Но попробуй, отличи одну византийскую леди от другой, если их лица скрыты под белилами и тенями, фигуры – под просторными одеждами, а волосы уложены в вычурные прически и перевиты золотыми лентами. Изабель Уэстмор вполне могла оказаться одной из этих прекрасных и недоступных женщин, горделиво выступающих среди изысканной роскоши дворцов.

* * *

В очередном представленном Либри списке значилось два имени – Табрита и Рифиотика. Принадлежащее семье Табритов имение на Большой Месе, четвертый дом по левую руку после перекрестка Овечьих источников, встретило Гая запертыми воротами и приколоченными крест-накрест брусьями, украшенными здоровенным пергаментом с греческим текстом. Прохожие шмыгали мимо ворот с оглядкой, словно усадьбу поразила чума. В каком-то смысле так оно и было: как растолковали мессиру Гисборну соседи по прецептории, обитатель усадьбы постигла кара закона – или подозрение базилевса, что означает почти одно и то же.

Требовалась всего лишь малая толика наблюдательности и ума, чтобы понять – в блистательной Империи творится неладное. Внешне все выглядит благополучно, сверкает и устрашает. А под слоем позолоты скрывается истина: император уже который год враждует с собственными подданными, обвиняя их в расшатывании устоев государства и истребляя древние фамилии, словно дурную траву на поле. Старые семейства не оставались в долгу, и в самом деле начиная создавать комплоты заговорщиков. Сперва мессиру Гисборну показалось, будто такое времяпровождение является еще одной здешней традицией. Вроде как постоянная вражда итальянских городов между собой. С другой стороны, как только у итальянцев появляется общий враг, они быстро забывают старые распри – и получается нечто вроде давешней битвы при городе Леньяно, когда императору Барбароссе пришлось бросить свою наголову разгромленную армию и спастись бегством. А как обстоят дела здесь? Или общий враг византийцев – их собственный правитель? Чужая страна, диковинные обычаи...

Миледи Юлианию Рифиотику англичанин, следуя подсказкам щедро прикормленной служанки, изловил на Ипподроме. Юная дама слыла рьяной поклонницей скачек.

Константинопольский Ипподром поразил Гая куда больше дворцов Палатия. Огромное круглое сооружение с бесчисленными рядами скамей, вмещавшее несколько тысяч посетителей, казалось, явилось сюда прямиком из эпохи римских цезарей. Усугубляя сходство, над главными воротами Ипподрома красовался самый что ни на есть языческий кумир: золотая колесница, запряженная шестеркой вставших на дыбы коней, и возвышающееся в ней божество. Облик идола, впрочем, был весьма благолепен – молодой мужчина в венке, с луком за спиной, одной рукой державший поводья, а другой благословлявший колесничное ристалище.

Для зрителей статуя была настолько привычным зрелищем, что они не обращали на нее внимания. Пару раз с неудовольствием скосившись на эллинского идола, мессир Гисборн решил последовать примеру горожан. Язычество давным-давно посрамлено и повергнуто в прах, а сохранившиеся изваяния не в силах затмить разлившегося повсюду благодатного света христианства.

Как подметил англичанин, константинопольские власти и восточная Церковь проявляли удивительную терпимость, оставив в целости множество эллинских и римских скульптур, мозаик и фресок. Не говоря уж об уцелевших дворцах римских наместников и даже названиях некоторых мест, в которых упоминались языческие божки.

Успокоив себя таким образом, сэр Гай глянул налево – на соседку по отдельному балкону. Право сидеть здесь, а не вместе с прочей низкой публикой обошлось иноземцу в довольно кругленькую сумму.

Но, кажется, потраченные золотые того стоили...

Сердце Гая предательским образом заколотилось чаще. В дальнем углу балкона расположилось небольшое изысканное общество – двое молодых людей и девушка, окруженные десятком слуг. Перегнувшись через перила, дама азартными воплями подбадривала пронесшихся внизу всадников. Она носила зеленое облегающее платье, подчеркивающее стройность ладной фигурки. На спину девицы падали две темно-рыжие косы, украшенные низкой мелких монет.

Даже голос византийки был удивительно похож на голос незабвенной Изабель – звонкий, с металлическим оттенком.

Она? Не она?

Гонка закончилась под частый перезвон большого колокола и рев Ипподрома. Девушка в зеленом раздраженно пристукнула кулачком по перилам и обернулась к спутникам, настойчиво им втолковывая что-то и резко жестикулируя. Молодые люди, судя по интонациям, пытались примирить госпожу с проигрышем.

Гисборн поник, выдохнув непроизвольно задержанный в груди воздух. Рыжекосая дама была до чрезвычайности хороша собой – но Юлиания Рифиотика никогда не появлялась в Туре-на-Луаре, не крала сундуков с архивами и не исчезала в болотах Камарга. Либо – и тогда надо отдать ей должное – она обладала способностью до неузнаваемости менять облик и цвет глаз. Глаза леди Рифиотики были карими. Утратив интерес к дорожкам конного поля, эти глаза с любопытством обежали зрителей на балконе. Остановились на Гае. Искусно подрисованные брови слегка приподнялись. Дама жестом подозвала слугу, повелительно указав тонким пальчиком на иностранца.

– Кирия Рифиотика спрашивает, не желает ли господин присоединиться к ее друзьям, – отбарабанил слуга по-гречески, возникнув рядом с англичанином. Подумал и повторил ту же фразу на корявой латыни, здраво рассудив, что франк может не разуместь здешнего наречия.

– Э-э... – опешил мессир Гисборн. – Ну... Сочту за честь, – наконец опомнился он.

К завершению скачек ноттингамец пребывал в горчайшем разочаровании и сожалении о том, что божий мир несовершенен, а леди Юлиания – не Изабель. Ромейка оказалась смешливой, остроумной, напроочь лишенной манеры с пренебрежением относиться к уроженцам иных краев и дружелюбной настолько, что двое ее спутников начали коситься на Гаю с плохо скрываемым неудовольствием.

Про себя мессир Гисборн решил, что, ежели Изабель не отыщется, он с большим удовольствием навестит леди Рифиотику еще раз. Благо она приглашала и в подробностях обскакала, как найти в Константинополе ее дом.

* * *

Гость Константинополя, сэр Гай Гисборн понятия не имел, какое количество больших и малых храмов, а также часовен и просто мест для молитвы находится на одних только землях Палатия. Скажи ему кто-нибудь, что число таковых переваливает за сотню, а во всем городе приближается к тысяче – англичанин ничуть бы не удивился. Он уже понял, что Европе покуда не по силам угнаться за показной набожностью Империи.

Не ведал Гай и о том, что в тот день, когда он наравне с верными подданными Империи бродил, глаза и восхищаясь, по бесконечным дворцам, в одной из церквей Палатия произошла встреча, способная стать для Византии фатальной, сиречь роковой и судьбоносной.

...Храм святого Николая, Мир Ликийских чудотворца (д'Ибелен так и не научился выговаривать звучное греческое название, именуя святого несколько на варварский лад Николаусом) отличался от прочих городских соборов некоторыми особенностями. Во-первых, в нем хранилась чудотворная икона, написанная два, не то три столетия назад. Во-вторых, в Палатии он выполнял для многочисленных придворных роль не только Божьего дома, но и места встреч. В-третьих, по определенным дням за довольно круглую сумму там мог помолиться зажиточный горожанин... или не в меру любознательный иностранец.

Барону Амори храм пришелся не по душе – полутемный, сияющий тусклой позолотой иконных окладов, освещенной сотнями слабо мерцающих лампадок, изобильно, почти как у язычников, украшенный статуями, и от пола до потолка расписанный изображениями святых. Большеглазые лики смотрели отовсюду, и взгляд их был весьма далек от одобрения и хри-

стианского смирения. Пришедших помолиться было немного, они терялись во чреве собора. Порой вдоль стен тенями проскальзывали монахи – в черных одеяниях, с остроконечными капюшонами-куколями, скрывающими лица.

«Кто-то мне говорил, что византийское вероисповедание и наше католическое учение в основе своей не так уж сильно отличаются друг от друга, – припомнил д'Ибелен, нашедший себе укромное место за рядами приземистых пузатых колонн, украшенных непрменной росписью. По плохо различимым в сумраке горам карабкались маленькие человеческие фигурки, устремляясь к небесам с серебряными облаками. – Кто же это рассказывал? Епископ Тирский Алинард? Патриарх Ираклий Иерусалимский, многомудрый трусоватый сибарит? Кто-то из высокоученых спутников султана Саладина? Как странно – арабы порой разбираются в хитро-сплетениях чужой веры лучше, чем мы сами... Должно быть, со стороны виднее».

Самого Амори религиозные споры и разногласия волновали лишь в той мере, в какой они затрагивали интересы его покровителя, Конрада Монферратского. Д'Ибелен находил, что лично ему весьма симпатичен тот простой способ, каким выясняет свои отношения с Римским престолом император Фридрих Барбаросса. Когда Рыжебородого не устраивают речи и намерения Папы, он выбирает своего – послушного и стоворчивого. Правда, решительность германца не всегда дает добрые всходы, ведь многолетние усилия Фридриха возродить Великую Римскую империю так ни к чему не привели. Итальянские города по-прежнему не желают признавать его своим властителем, нынешний Папа Римский Климент тоже не слишком благоволил к старому императору. А что-то будет дальше, когда замысел Конрада начнет претворяться в жизнь...

Размышляя о вечном, д'Ибелен не забывал незаметно поглядывать по сторонам. Поначалу барон намеревался взять на эту встречу Дугала – пусть держится где-нибудь сторонке и глядит в оба – но потом раздумал. За ним и так наверняка следят с того самого мгновения, как он сошел на берег и переступил порог своего нынешнего жилища, дома старосты итальянского квартала, по-гречески консула. Ибелен надеялся, что внимание императорских и епархиальных шпионов сосредоточилось на нем, посланце Конрада Тирского, а Дугалу повезло остаться незамеченным. Так пусть конфиденд и дальше остается неприметной фигурой в тени, никак не связанной с ним, д'Ибеленом.

Тот, чьего появления дожидался Амори, появился на удивление скромно и незаметно, совсем не так, как обычно представляли перед подданными отпрыски правящей фамилии. Просто вошел еще один человек, впусдв за собой струйку холодного ветра и неяркого солнца, прикрыл дверь и не торопясь зашагал по широкому срединному проходу между колонн к алтарю и чудотворной иконе. За ним никто не появился – что ничего не означало. Соглядатаи могли обосноваться в храме заранее. Да и кто поручится, что одна из безмолвных черных фигур местных монахов не является доверенными глазами и ушами зловещего кирие Дигениса?

Пришедший постоял, положенное количество раз крестясь и кланаясь, зажег свечу и отошел к правому пределу. Не шмыгнул украдкой, просто отошел не спеша и присел на скамью у стены – возжелалось человеку побыть наедине с собой и Господом.

Выждав некоторое время и убедившись, что в соборе не прибавилось новых лиц, д'Ибелен опустилс на ту же скамью – в почтительном отдалении от своего собеседника.

– Мессир Амори? – голос низкий, глуховатый, более подходящий человеку почтенного возраста. На самом деле Мануил Комнин был немногим старше несостоявшегося иерусалимского короля, коему недавно исполнилось тридцать два года.

– Ваше высочество, – откликнулся д'Ибелен. Разговор шел на норманно-французском, коим наследник императора Византии владел почти как родным греческим. Госпожа Феодора Вотаниата из Иерусалима, матушка Мануила – или Эммануила, как называли его франки – была из семейства, имевшего родственные отношения с европейцами. Да и сам Эммануил провёл немало времени при дворе сначала короля Балдуина Прокаженного, а затем сестры его

Сибиллы и ее неудачливого супруга Ги де Лузиньяна, пока двое последних оставались правителями Святой Земли. – Вы высказали пожелание встретиться со мной – и вот я здесь.

– А следом за вами притащилось два десятка соглядатаев, – сварливо буркнул наследник Византийской короны. Жизнь при отце, склонном подозревать всех и вся, отнюдь не способствовала улучшению характера Эммануила. Ибелен, встречавшийся с Комниным-младшим около года тому, с сожалением отметил: ромей во многом начинает походить на венценосного папеньку. Насмешливый философ бесследно сгинул в омуте прошедших времен. Впрочем, чего еще ожидать от человека, вынужденного день за днем обитать в скопище гадюк, коим, несомненно, является Палатий? Права Эммануила на престол сейчас оказались под изрядным вопросом. Андроник Комнин развелся со своей второй супругой, матерью Эммануила, ради женитьбы на молоденькой Анне. Брак длится уже шесть лет, но новых отпрысков у престарелого базилевса не появилось. И пока их нет, Эммануил остается первым претендентом на трон Империи. – Что толку от вашего присутствия, мессир Амори? Опять начнете сорить обещания налево и направо? Мол, ваш сюзерен, маркграф Конрад всегда рад выступить в мою поддержку? Но мессир Конрад в Тире, а я – в Константинополе... чтоб ему пусто было!

Вырвались последние слова непроизвольно, от сердца, или миг их произнесения был тщательно рассчитан – Ибелен в точности не знал. Он так и не научился в точности различать оттенки речи и настроений византийцев, улавливать тот миг, когда правда в их устах незаметно превращалась в ложь. Барон уже приготовил подходящий ответ, краткий по форме и многозначительный по сути, но собеседник не дал ему заговорить, спросив:

– Вы на днях виделись с моим отцом? Должно быть, за вас изрядно хлопотали – в последние дни он редко соглашается кого-либо принимать, тем более иноземца. И как вам показался наш царственный?

– Чрезмерно угнетенным грузом государственных забот, – еле слышно хмыкнул д'Ибелен.

– Вот именно, что чрезмерно, – Эммануил пошевелился, вкрадчиво зашелестели многочисленные складки просторного одеяния. – Два года назад на нас уже обрушилось нечто подобное. Тогда ему тоже мерещились заговорщики и отравители повсюду, но дело ограничилось малой кровью. Если так будет позволительно выразиться. Теперь он разошелся вовсю. Словно задумал извести под корень все старые семейства и по меньшей мере половину верных подданных. Скажите, Амори, вы ведь тоже наверняка сочли моего отца... безумным? Да ладно вам строить из себя невинную овечку – подумали, подумали, не отпирайтесь. Не вы один так думаете, – размеренная речь Эммануила вдруг сделалась торопливой, скомканной. – Но беда в том, что мы ничего не можем изменить... Только ждать. Что случится быстрее – он оставит мир... или мы все погибнем? А тут еще вы, франки, со своим освобождением Иерусалима и грандиозными планами. Хотите правду? Мой венценосный папаша до смерти перепугался, когда ему донесли о приближении Барбароссы. Он полагал, вы никогда не сможете собраться воедино и начать поход в Святую Землю. По его слову было сделано все для того, чтобы загубить поход в самом начале. Но у него не получилось, и теперь он мечется из стороны в сторону, не зная, что предпринять. Что он вам сказал касательно соглашений с Рыжебородым?

– Что испытывает веские сомнения, – признался Ибелен. – А еще – что признает благородной цель похода, но считает избранное королями Европы для этого предприятия время крайне неудачным.

– Говорю вам, он откажется от всего, что подписывал, – почти пророческим тоном изрек Эммануил. – И дело закончится не вызволением Иерусалима из рук неверных, а взятием разъяренными варварами мирного Константинополя. Кесарь Барбаросса, если верить тому, что о нем говорят, терпеть не может, когда препятствуют его планам.

– А вы? – бросил пробный камень Амори.

– Что – я?

– Вы можете терпеть, когда препятствуют вашим планам?

Оба замолчали. Д'Ибелен рассеянно следил за темной фигурой монаха, стоявшего рядом с алтарем и неторопливо убиравшего сгоревшие свечи. Наконец ромей уже не столь уверенно пробормотал:

– У меня все равно нет другого выхода. Если я рискну возмутиться вслух... или приискать сторонников... или хотя бы высказать свои мысли вслух... как вы думаете, где мы тогда с вами встретимся? На площади Тавра, на месте казней – вот где. То, что я – отпрыск базилевса, только добавит зрелищу остроты. А вас, между прочим, будут казнить по соседству – за подстрекания и выступления против великой Византии.

– Значит, мы не должны этого допустить, – невозмутимо заявил д'Ибелен.

– Легко вам рассуждать, – огрызнулся Комнин-младший. – Случись что, вы шмыгнете в гавани и улизнете в свой Тир. А у меня семья и дети. Представляете, что с ними сделают? Слышали историю о том, как мой боговдохновенный папенька собственными руками свернул шею малолетнему племяннику? И все потому, что с возрастом тот мог стать претендентом на трон.

При кажущихся простодушии и взволнованности Эммануил точно знал, куда направить удар. Благополучие наследников надежно оправдывало любые поступки. Минуло уже два года, а барон Ибелен до сих пор не мог до конца осознать причину, из-за которой он бросился спасать Иерусалим и его обитателей. Ведь на самом-то деле его куда больше заботила безопасность Катрины и маленькой Беатрис, чем весь Иерусалим, вместе взятый. И что получилось? Христианский мир почитает его, наравне с Конрадом Монферратским, избавителем-спасителем от неверных, а он пытался вывезти из осажденного города жену и дочь.

Неисповедимы пути Господни и истинные помыслы ближних твоих...

– Поэтому вы и должны действовать, если не хотите, чтобы ваших детей ждала столь же горькая судьба, – тяжелая дверь приоткрылась, впуслав в храм еще кого-то, и барон д'Ибелен ощутил подспудное беспокойство. Разговор, несмотря на его важность, чрезмерно затягивался. Кто может поручиться, что на лестнице храма уже не перетаптываются в ожидании гвардейцы с приказом задержать подозрительного франка и препроводить досточтимого Мануила Комнина пред грозный лик его коронованного отца? И того, и другого в этом случае не ждет ничего хорошего. – Скажите, ваше высочество... Вам, живущему здесь, наверняка хорошо видны потаенные течения, что движут Империей... Предположим – только предположим – что ваш высокородный родитель скончался. По вполне естественным причинам, не вызывающим никаких подозрений. Что произойдет дальше? Как полагается по римским традициям, соберется Синклит, будет много шума и криков, но в итоге госпожа Анна, ваша мачеха, будет объявлена единовластной базилиссой?

– Даже если это произойдет, – презрительно фыркнул грек, – она не продержится на троне и седмицы. Ей весьма посчастливится, если дело закончится высылкой в отдаленный монастырь. У Анны нет поддержки ни в Палатии, ни в городе, нигде. Ее можно смело не принимать в расчет. Если только она тайком не сговорила с кем-нибудь достаточно могущественным. Но она не сговорила... даже не рискнула ответить на письма вашего сюзерена Конрада, иначе я бы об этом знал, – последнее было добавлено с легчайшей язвительной улыбкой, угадываемой больше по интонации, нежели по движению губ. – Стало быть, во дворце Августеон соберутся все, имеющие отношение к правящей фамилии.

– И много их? Я знаю вас, – перечисляя, Амори загибал пальцы, – Исаака с Кипра... но его дела сейчас плохи, он вызвал неудовольствие крестоносцев и те высадились в его владениях... Кажется, уцелел кто-то из дальних родственников предыдущего императора, вашего тезки Мануила. Ах да, еще есть сыновья его величества Андроника от первого брака. Только где они?

– Отсиживаются в провинции, – задумчиво протянул Эммануил. – Вкупе со своей матушкой, этой мегерой Евдокией. Не исключены и совершенно сторонние вмешательства – как у нас говорят, императоры с перекрестка – хотя наша фамилия цепко держится за трон уже третье поколение подряд. Но я уверен, кто-нибудь обязательно возмутится и шума не избежать.

– Хотя прямой и единственный наследник престола Византии сейчас – вы, – полувопросительно, полуутвердительно произнес д'Ибелен.

– Надеюсь оставаться им и впредь, – буркнул Комнин-младший, поднимаясь и, в точности как его отец, обрывая беседу недосказанной. Франкский барон поднялся со скамьи следом за ним, гадая: считать ли безмолвный договор между ними заключенным... или Эммануил предпочтет выжидать, уповая на естественный ход событий.

Многолетний опыт не подвел д'Ибелена. Византиец остановился перед иконой безвестной греческой святой, жестом подозвал франка ближе и негромко, размеренно произнес:

– Порой мне кажется – я сговорился бы с кем угодно, даже с безумными фанатиками из Аламута, лишь бы избавиться от этой постоянной угрозы, собственного родителя. Не ведаю, каким бы я стал базилевсом, хорошим или скверным. Ведь единственное, что я сумел познать на примере моего отца – как *не* стоит править Империей. Я сказал, что за Анной никто не стоит. Но, помимо малого круга друзей и сторонников, никто не стоит и за мной. Нужна поддержка – золотом... и сталью. Мне не хотелось бы взойти на престол, шагая по колену в крови, однако присутствие дружественной армии намного облегчило бы путь к Золотому залу.

– Я понимаю, – почти беззвучно откликнулся Амори. Трудно было не понять. – Но для успешного завершения дела мне понадобятся кое-какие сведения. Приблизительное расположение зданий на землях Палатия и еще...

– Через два дня будьте у Портика на площади Юстиции, – оборвал его Комнин-младший. – В час, когда открываются заседания. Вас опознают. Если мне удастся разузнать что-то полезное – вы это получите. Но имейте в виду – кроме вас... и человека, которому эти бумаги предназначены, их не должен видеть никто. Вы уничтожьте их, мессир Амори, сразу после того, как изучите.

* * *

Холодные осенние дни утекали, сливаясь в недели. Прикинув как-то, сколько он уже находится в Константинополе, Гай ужаснулся. Выходило, что ноттингамец пользуется гостеприимством прецептории святого Иоанна третью седмицу кряду.

За это время он повидал не менее дюжины константинопольских девиц, хорошеньких и не очень, обогатил почтенного Анастасиоса Либри на сотню номизм, выучил расположение улиц в окрестных кварталах, научился самую малость говорить и понимать по-гречески – и не продвинулся в своих поисках ни на шаг.

Изабель Уэстмор пропала, не оставив по себе никаких следов. Первоначальная идея Гая лежала недалеко от истины: поддельной бристольской горожанке не было никакой нужды стремиться именно в Константинополь. Она могла скрываться в любом из сотен городов Византийской империи. Может статься, улизнув из Камарга, она вообще не покидала пределов Европы. Из Эгю-Морта она могла с равным успехом отправиться морем в Рим. Или в Иерусалим. Или вообще к арабам в Александрию!

«Я дурак, – угрюмо признал Гай, пытаясь оставаться честным хотя бы перед самим собой. – Ловлю призрака. Женщину, которой никогда не существовало. Она выдумала себе все – имя, повадки, рыжие локоны. Хватит заниматься глупостями. Проверю три последних имени, что добыл Либри, и довольно. В мире полно иных девушек – обычных милых девушек. Не плетущих небылиц, не шастающих с отмычками и не выведывающих секреты королей. Я встречу такую девицу и женюсь на ней. Успокоюсь. Забуду Изабель, как кошмарный сон.

Забуду ее глаза, ее ложь, ее поцелуй. Забуду безумный месяц розысков. Я поддался наваждению ее чар, но теперь оно развеялось».

Почтеннейший Лев Треда, встречи с которым теперь происходили все реже и реже, тоже вознамерился покинуть прецепторию. Его рана затянулась, и константинопольский обыватель более не нуждался в услугах лекарей. Он возвращался домой, о чем с некоторым сожалением в голосе поведал Гаю.

Наступившие холода не позволяли, как раньше, провести мирный вечер в беседке за игрой в шахматы. Последнюю партию франк и ромей сыграли в комнате мессира Гисборна, натопленной и приобретшей некоторые черты обжитости.

Гай искренне огорчился. Советы и ненавязчивая помощь господина Льва помогли ему преодолеть растерянность первых дней в столице Империи. Если бы не кирие Треда, еще неизвестно, что бы случилось с потерявшимся чужаком в чужой земле.

Грек выслушивал благодарности Гая с привычной полуизумленной, полуиронической улыбкой, словно не веря, что сказанное относится именно к нему. Пожав плечами, он заявил: на его месте так поступил бы каждый. Осведомился, достиг ли кирие Гай успеха в своих поисках. Дескать, все насельники прецептории – и светские, и духовные – увлеченно обсуждают перипетии удивительной истории. Делаются даже нешуточные ставки, удастся франкскому воителю отыскать некую пропавшую деву или нет? Лично он, Лев Треда, рискнул пятью номизмами в пользу европейского рыцаря.

Мессир Гисборн растерянno заморгал. Покраснел. Сгоряча решил вздуть болтливого Либри. Напомнил себе, что это – Византия, где охота за чужими секретами впиталась в плоть и кровь всякого уроженца Империи. Конечно, его тайна давно сделалась общим достоянием постояльцев странноприимного дома. Даже без участия сплетника Анастасиоса.

– Ну и плакали ваши пять номизм, – мрачно буркнул Гай. Подтолкнул к сидевшему напротив Треде стопку пергаментных листов: – Вот они, женщины, которых я повидал. Все оказались не той, что я ищу.

Кирие Лев с интересом пролистал списки, выразительно поднимая бровь и еле слышно хмыкая.

– Кирие Анастасиос напел мне в уши, якобы вы не знаете о своей загадочной даме ровным счетом ничего, кроме самых общих примет, – поделился он. – Зачем же вы тратите время и деньги на ее розыски? Впрочем, если это слишком личное дело, я нижайше прощения и умолкаю.

«Зачем? Ради чего?» – ноттингамец столько размышлял над этими простыми вопросами, что даже обрадовался возможности произнести тревожившие его мысли вслух. Вдруг мессир Лев, как человек куда более умудренный опытом и наверняка много знающий о женских повадках, убедит его в том, что поиски не имеют смысла?

– Я знал эту женщину под именем Изабель, – медленно начал Гай, старательно подбирая латинские слова. – Нам выпало вместе путешествовать через Пуату и Лангедок. Это области в Европе. Мы провели рядом два месяца. Потом Изабель бежала. Мой компаньон заподозрил ее в том, что она... э-э... как бы поточнее выразиться... трудится в пользу византийского престола. Вот и вся история. Могу только добавить, что никогда прежде я не встречал ни одной женщины, подобной ей. Она лживая, хитрая и коварная, как Раав из Библии. Она тверже камня и гибче стали. Ничего и никого не боится. Всегда знает, как поступить. Мне просто хотелось увидеть ее еще раз. Сказать, что я стал лучше понимать причины ее поступков... и не осуждаю ее. Теперь я вижу, сколь нелепой и неисполнимой была моя мечта. Если Изабель и прячется где-то в Константинополе, ее не найти. Полагалось бы еще скорбно добавить «Мое сердце разбито», только это не так. Слишком уж плохо и мало я был с ней знаком. Но мне печально оттого, что я потерял ее и больше никогда не увижу. Я думал: найду Изабель, уговорю бросить ее самоубийственное ремесло, увезу с собой...

Лев Треда слушал сбивчивую речь франка в глубоком молчании. Губы его сошлись в одну тонкую линию, насупленные густые брови сдвинулись к прямой переносице. Казалось, его вынуждают принять некое важное решение, от которого зависит его жизнь – а он не в силах перешагнуть черту. Треда пристально смотрел на франка, вертя в пальцах костяную фигурку шахматной королевы. Гай недоумевал – что в коротком рассказе могло вызвать у почтенного Льва столь сильное душевное волнение?

Грек колебался, и выбор был для него мучителен. Внезапно он переставил фигуру с клетки на клетку, и встал, скрипнув ножками резко отодвинутого табурета.

– Вы можете пойти со мной? – сквозь зубы спросил он. – Прямо сейчас. Доверившись и ни о чем не спрашивая?

Вместо ответа мессир Гисборн поднялся на ноги.

Ромей и франк вышли за ворота прецептории, днем всегда стоявшие открытыми – символ того, что братья святого Иоанна не откажут в помощи никому из страждущих. Подле ворот двое служителей прецептории раздавали нищим из большого медного чана остатки трапезы постояльцев. Мессир Гай и его провожатый свернули направо и долго шли вдоль протяженной каменной стены, сложенной из желтого известняка и обросшей, как днище корабля ракушками, десятками лавчонок и навесов. Когда стена закончилась маленькой угловой башенкой, путники углубились в лабиринт узких улочек, на очередном перекрестке повернув влево.

Через несколько сотен шагов по шумной торговой улице Лев Треда остановился перед ничем не примечательным зданием.

Дом плотно смыкался с соседними боковыми стенами тесаного камня, некогда светло-желтого, а теперь покрывшегося слоем многолетней копоти. Четырехэтажный, построенный без определенного плана и вдобавок разросшийся из-за многочисленных дополнительных пристроек. К фасаду, украшенному облупившимися вазонами, жалось несколько крутых лестниц, дававших постояльцам возможность поскорее спуститься и подняться. Половину первого этажа и весь подвал дома занимала большая процветающая лавка готовой одежды. На другую половину вела новенькая внушительная дверь в медных заклепках, скрывавшаяся в глубокой нише. Над нишей покачивалось на цепях позолоченное изображение лунного диска.

– Нам сюда, – кирие Лев несколько раз гулко стукнул дверным кольцом. – Вижу, вам не терпится спросить, что это за место. Что ж, нет смысла плодить лишние секреты. Это «Золотая луна», дом свиданий.

Дверь беззвучно распахнулась внутрь. На Гая повеяло густым ароматом мускатных благовоний и теплым воздухом. Вверх уходила крутая лестница, но путь дальше преграждала мрачная гора в человеческом облике, многозначительно покачивавшая дубинкой. Треда произнес краткую фразу на греческом. Привратник убрал дубинку за спину и нехотя отодвинулся в сторону, позволяя гостям пройти.

По плохо освещенной лестнице они поднялись на два этажа вверх, к следующей крепко сколоченной двери. Стук, явление стража, на сей раз с более приятной глазу физиономией, обмен отрывистыми фразами. За дверью начинался широкий коридор, на удивление чистый и опрятный, освещенный масляными лампами в медных шандалах. В коридор выходило с десяток одинаковых створок, выкрашенных в бледно-алый цвет и различающихся только прибитыми медными фигурками.

Треда прошел в самый конец коридора, к двери с изображением скачущей лани не то газели. Негромко, самыми кончиками пальцев, постучался. Изнутри донесся приглушенный женский голос. Судя по интонации, спрашивали: «Кто там?». Лев отозвался. Лязгнула вытаскиваемая задвижка. Гай окончательно перестал понимать, что происходит, и просто шел, куда указывали. Вслед за кирие Львом он оказался в небольшой комнате с коврами на стенах и цветочной росписью по потолку. Открывшая дверь молоденькая служанка низко поклонилась

Треде, удивленно покосившись на его спутника. Не дожидаясь приказаний, девица выскользнула в другую дверь, занавешенную нитями с нанизанными хрустальными бусинами.

Спустя еще десяток ударов сердца, показавшихся Гисборну невероятно долгими и тягучими, занавес разлетелся в стороны, явив посетителям высокую, тонкую особу в ярко-синем одеянии. Левую руку вошедшая почему-то держала за спиной. Темно-рыжие волосы, некогда прямые, превратились в облако подхваченных синей лентой тугих кудряшек. Искусно подведенные лиловой тушью глаза остались прежними – голубовато-зелеными, цвета морской воды на солнце.

– Какой выгодный клиент нынче пожаловал, – произнес женский голос с резким, царапающим слух отзвуком звенящей бронзы. Глаза девицы на миг вспыхнули ярче драгоценных камней. – С такого можно взять и подороже, не правда ли, кирие Лев? Знакомы ли вам расценки дома госпожи Костаны, незнакомец? Увлекательная беседа – две сотни фоллов за полчаса, вечер с танцами и пением – кератий, прогулка в опочивальню и ночь без изысков – номизма, с изысками на арабский или античный манер – по уговору...

Она засмеялась, глядя на ошарашенную и вытянувшуюся физиономию Гая.

– Вот он, истинный образец христианской добродетели! Одна крохотная рискованная шутка – и он уже заливается краской, аки невинная девица...

– Зоэ, милая. Нельзя же так, – укоризненно протянул кирие Лев. – Молодой человек преодолел столько трудностей и приложил столько усилий, чтобы разыскать тебя. Он рассчитывал на достойный прием, а его дама с порога начинает изображать распутную куртизанку. Вынужден заметить, делая это не слишком искусно. Больше искренности, дорогая, меньше делового расчета. Улыбнись. Кирие Гай вовсе не намерен убивать тебя или похищать ради заслуженного возмездия.

– Что только я в ней нашел? – философски спросил у разноцветного потолка сэр Гисборн. – Ничуть не изменилась. Все такая же злоязыкая, нахальная и с кинжалом за спиной. Мистрисс Изабель, это ведь у вас там кинжал припрятан, верно?

– Разумеется! – бодро подтвердила рыжекудрая обитательница «Золотой луны», предъявив мессиду Гисборну короткий и чрезвычайно острый клинок. Двумя мягкими прыжками она пересекла комнату, и Гай наконец заполучил в объятия свое пропавшее и вновь обретенное сокровище. Выроненный кинжал с глухим стуком шлепнулся на ковер. Приглушенно скрипнула затворившаяся за Львом Тредой дверь.

Глава четвертая Еще один шанс

10 – 23 декабря.

Спустя добрых две с половиной седмицы после встречи франкского и ромейского заговорщиков в храме чудотворца Николая, в многолюдном, исполненном всяческой суеты Константинополе произошло маленькое неприметное событие. Одно из тысяч, вплетенных в ткань бытия огромной имперской столицы.

Выкрашенная в синий цвет плоскодонка-хеландион, шлепая днищем о невысокие волны и поднимая снопы брызг, на закате шла вдоль обрывистых берегов Палатийского мыса. Совершив несколько маневров, лодчонка проскользнула мимо выходящих к морю участков крепостной стены и причалов, где покачивались пестро разукрашенные прогулочные галеры. Над квадратными зубцами стен трепетало пламя факелов и порой смутно поблескивали шлемы дозорных.

Столетиями могучие стены и башни честно защищали Палатий от нападений врагов с моря. Однако постепенно укрепления, как и многое в Империи, обветшали, а денег из казны на починки и ремонты отпускали все меньше и меньше. Где-то стены едва-едва поддерживали в пристойном состоянии, где-то высадили на былом крепостном сооружении деревья, превратив бастионы в сады над морем.

Хеландион лихо развернулся носом к берегу, надутый парус хлопнул, опадая. Разогнавшаяся посудина приблизилась к участку побережья, считавшемуся неприступным – мелководному, усеянному как естественными скалами, так и хаотически разбросанными гранитными глыбами.

Приплывший на суденышке человек свернул парус, убрал невысокую мачту и извлек из-под скамьи пару весел. Расталкивая шипящую воду носом с парой нарисованных глаз, легкий хеландион углубился в лабиринт проходов между скалами. Кое-где лодка скребла боками по соседним камням. Угрюмо ругаясь себе под нос, человек отпихивался веслами от очередной острой глыбы, неожиданно вынырнувшей из пенящейся воды. Несколько раз гребец осторожно поднимался в шатающейся лодчонке на ноги и озирался, выискивая указанные ориентиры.

Протиснувшись между очередными валунами, хеландион достиг узкого извилистого пролива с более глубокой и спокойной водой. Над головой гребца уступами поднимался обрывистый берег, поросший сорной травой и схожий в ночи с темной грозовой тучей. Еще десяток взмахов веслами – и плоскодонка, которая должна была с размаху уткнуться в неприветливые скалы, словно погрузилась в них, исчезнув из вида.

На самом деле она, конечно, никуда не исчезала, а нырнула в поднимавшуюся от поверхности воды длинную и узкую вертикальную расселину, шириной как раз для маленькой лодки. Среди знающих людей это место было известно под названием Трещина. Повозившись и чертыхаясь, человек зажег припасенный фонарь, установив его на носу лодки. В прыгающих оранжевых лучах открылись сходящиеся над головой стены созданной природой пещерки, сочащиеся водой. Белесые каменные выступы напоминали клыки замурованных глубоко под землей сказочных чудовищ.

Осторожно скользя по нерукотворному проходу, лодка приблизилась к явственному творению рук человеческих. К берегу жался маленький деревянный причал с вбитыми в бревна позеленевшими медными кольцами. К двум были привязаны лодки, родные сестры новопривышей плоскодонки. За пристанью виднелся прорубленный в диком камне темный проем.

Незванный гость подвел хеландион вплотную к причалу, привязав веревку к одному из пустующих колец. Выбрался на пристань, осмотрелся и одобрительно присвистнул – константинопольские «ночные рыбаки» неплохо обустроили свое логово. Под самым, можно сказать, носом у базилевса и его сыскарей.

Человек пару раз подпрыгнул на месте, охлопал висевшую через плечо кожаную ленту с метательными ножами и иные колючие сюрпризы, запихнутые за голенища сапог. Ничто не звенело, не брякало и не угрожало вывалиться в самый неподходящий момент. Прихватил с собой фонарь, визитер Палатия зашагал по каменному коридору, не забывая порой наклонять голову – под потолком кое-где были установлены балки-распорки. Как ему и говорили, шагов через двадцать ход начал понижаться. Пришлось сперва сторбиться, а потом и вовсе встать на четвереньки.

Неуклюжее передвижение ползком завершилось у бронзовой решетки, тяжелой и круглой. Позеленевшая и обросшая наростами решетка плотно примыкала к камню и была заперта аж на целых три устрашающего вида фигурных замка, расположенных по окружности. Отставив в сторону фонарь, человек приспособился, уперся плечом и, кряхтя, откатил преграду в сторону – та оказалась фальшивой, ни один из грозных замков не был заперт.

За решеткой тянулся новый коридор: сводчатый, облицованный изъеденными временем известняковыми плитами. Внизу, у самых ног, с тихим чавканьем густо струилась вода, образуя небольшие водовороты и волоча с собой неприглядные комки, тряпки и иные отходы жизнедеятельности многолюдного Палатия. Над водой нависала узенькая, в пару ладоней шириной, каменная дорожка, скользкая от выросших на ней водорослей. Человек осторожно зашагал вперед, освещая дорогу фонарем, грозившим скоро погаснуть, и стараясь дышать пореже – здешний воздух наполняли скопившиеся за столетия миазмы.

Идти пришлось недалеко – в стене справа возник обрамленный двумя полуобрушившимися колоннами проем, за проемом скрывался коридор, завершавшийся тупиком. Вернее, не тупиком, но уходившим вверх идеально круглым проходом. Из стены торчали погнувшиеся бронзовые скобы. Затушив лампу, пришлец начал бодро карабкаться вверх, пока не уткнулся макушкой в деревянную крышку на кожаных петлях. Откинул ее, осторожно высунул голову, убедившись в отсутствии незваных свидетелей или нетерпеливых покупателей. Легко перемахнул через ограждение колодца, высохшего и теперь используемого обитателями Палатия для совершенно иных надобностей. Здесь заключались и совершались сделки, которым бдительная стража предпочитала не препятствовать – ибо имела с них свою долю.

Колодец прятался под глухой стеной какого-то здания. Опустив крышку на место и стараясь не стукнуть ею, Дугал огляделся. Чуть пригнувшись, потрусил вдоль стены навстречу россыпи призывных огоньков, отмечавших расположение построек дворца. К сожалению, сухой колодец не был отмечен на предоставленной д'Ибеленом карте Палатия. Требовалось отыскать более надежный ориентир.

Бежал Дугал странно – вроде бы неторопливо и в то же время умудряясь стремительно переливаться с место на место, из одного озерца теней в другое. В подобные моменты скотт невольно воображал себя оборотнем, причудливым созданием, средним между зверем и человеком. Не столь кровожадным, как один из обитателей лангедокского замка Ренн, но таким же проворным и неуловимым.

«Нелепо надеяться, что удастся все провернуть в первый же день, – размышлял он про себя, беззвучной тенью взлетая по подвернувшейся лестнице и застывая подле колонны, чтобы пропустить мимо марширующих дозорных. – Однако я сумел отыскать способ проникнуть сюда незамеченным. Пошарим, посмотримся, прикинем, что к чему. Вон та хоромина отлично подойдет для начала».

Конфидент д'Ибелена ухватился за выступ на подвернувшемся настенном барельефе, подтянулся, начиная подъем. Стена из песчаника оказалась изрядно траченной временем и вет-

рами. Гипсовые завитушки жалобно похрустывали под внезапно опустившейся на них тяжестью, но, к счастью, ни одна не вздумала расколоться и с грохотом осыпаться вниз. Вскрабкавшись, Дугал уселся на черепичной крыше, не без самодовольства взирая сверху вниз на дремлющий Палатий, черно-серебристую полосу моря и сонмище переливающихся вдали огней – Константинополь.

Первая часть его плана осуществилась весьма и весьма успешно. А Ибелен еще сомневался. Твердил, мол, только полный безумец может рассчитывать таким нахальным образом пробраться в обитель базилевсов. Спрашивается, кто же оказался прав? Вот он, Дугал, преспокойно сидит себе на дворцовой крыше, прикидывая, куда направиться дальше. Где-то по другую сторону бухты Амори д'Ибелен, небось, все ногти сгрыз от напряжения. А сам устроил безответному соратнику выволочку. Совершенно незаслуженную, между прочим!

Вспомнив о недавней стычке, кельт поневоле заухмылялся.

Ибелен внезапно вызвал подчиненного на одно из условленных мест для встречи – многотаверную таверну подле площади Тавра, где двое франков не привлекли бы ничьего излишнего внимания. Когда Дугал явился, пребывавшее в сугубом раздражении доверенное лицо Конрада Монферратского встретило его поистине змеиным шипением:

– Чтоб тебя черти взяли, Данни! Чем ты занимаешься? Маешься дурью? Сколько времени прошло, а ты только тратишь деньги впустую! Клянусь, было бы намного проще обратиться к кому-нибудь из местных умельцев!

– Весьма обидные ваши слова, господин хороший, – из вредности конфидент ответил на простонародном греческом. Полюбовавшись возникшим на лице Ибелена замешательством, перешел на более привычный язык: – Местные умельцы с вами бы сговорились и тут же продали в эпархову управу. Должны бы и сами понимать: пробраться в императорский дворец – это вам не зеленую лавку обокрасть. Вовсе я не дурью маюсь, как вы изволили выразиться, а подходы ищу.

– Извини, – сделав над собой нешуточное усилие, буркнул Амори. – Погорячился. Но хотя бы расскажи, что ты делал все это время? Куда извел почти полсотни номизм?

– На устройство великой попойки. С певичками и плясуньями, – честно признался Дугал. Ибелен скроил зверскую физиономию, однако промолчал. – Базилевсы, оказывается, не слишком доверяют собственным подданным. В охрану дворца частенько набирают иноземцев. Вот их я и поил. Представьте, сколько местной слабенькой кислятины нужно, чтобы напоить в лежку два десятка здоровенных норвегов! Вот-вот, жуть берет. Я рассчитывал отыскать кого-нибудь пожаднее или с хвастливым языком. Уговорю его одолжить на пару дней пропускную бляху или провести меня во дворец.

– И что? – выказал нешуточный интерес Ибелен.

– Полный провал, – развел руками Дугал. – Пить – пили, сплетничать – сплетничали. Как доходит до дела – молчок. Я уж и так, и эдак заходил – ничего. Должно быть, у базилевсов платят не в пример больше... Еще я пытался сговориться с прислугой, поставляющей в Палатий всяческое добро. Там дело пошло легче. Мне удалось подкупить одного бедолагу и заменить его. Без толку: повозки из города допускаются только во внешние дворы. Там грузы уносятся внутрь другими слугами, дворцовыми. И все это – под бдительным надзором стражи. Чтоб не стянули чего или, наоборот, не подсунули товар с гнильцой.

Он прервался, отхлебнул из поставленной перед ним кружки и скривился:

– Что за гадость? Лошадиная моча?... Так вот, после всех этих неудач сел я крепко поразмыслить. И решил, что поступаю неправильно. Надо зайти с иной стороны.

– Это с какой? – не понял Амори.

– С морской! – подняв палец, наставительно сообщил кельт. – Фасадом и воротами дворец выходит в город, на площадь Августеон, это так. Но расположен-то Палатий на здоровен-

ном мысу! И я решил заделаться рыбаком. Наведался в гавань и купил неплохую плоскодонку. Даже честно уплатил налог на владение ею.

– Так ты теперь судовладелец? – хмыкнул Ибелен.

– ...В гаванях я свел уйму полезных знакомств. Заодно вступил в почтенное сообщество «ночных рыбаков» – которым тоже пришлось выставить угощение. Закон совершенно ошибочно полагает их мелкими жуликами, ворами и преступниками. Милейшие ребята.

Шотландец предпочел умолчать о том, что его знакомство с гильдией контрабандистов Константинополя сопровождалось весьма оживленной потасовкой.

– Мои новые знакомцы почти каждую ночь таскаются под стены Палатия. Знаете, зачем? – заинтригованный Ибелен отрицательно покачал головой. – Доставляют тамошним обитателям разные полезные вещицы. Украшения, арабские зелья, книги, драгоценности, письма. Порой тайком увозят кого-нибудь, порой привозят. Дворцовая стража прекрасно знает об этом промысле, но помалкивает – им ведь тоже доля причитается. Иногда, для порядка, кого-нибудь ловят и вздергивают.

– Чуден мир Господень, – признал тирский барон. – Ты надеешься вместе со своими друзьями навестить Палатий?

– Уже навестил, – с гордостью похвастался Дугал. – В компании. Завтра прогуляюсь один, чтобы никто под ногами не крутился. Жаль, ваши дворцовые знакомцы так скудно поделились сведениями, ну да не в первый раз. Мне бы только пробраться внутрь. На месте все обычно становится понятнее.

Назначенная д'Ибелену встреча у Портика дворца Юстиции состоялась на несколько часов позже условленного срока, когда Амори обреченно счел, что ничего и никого не дождется. Ибелен не меньше сотни раз пересек широкую площадку перед входом во дворец, скусающе разглядывая римские статуи и местную публику – стряпчих-нотариев всех мастей, их помощников, клиентов и просто зевак. Отметил местную диковину: к розоватым мраморным колоннам на высоте двух-трех человеческих ростов были весьма варварски приколочены развесистые олени рога. Много, не меньше трех десятков. Слухи гласили, будто сие – издевка базилевса над мужьями, чьи супруги вольно или невольно удостоились благосклонности правителя Империи.

Внизу широкой лестницы вспыхнула быстрая потасовка – воришку схватили, что ли. Слоняющееся по площадке общество устремилось посмотреть... и в суматохе кто-то на удивление ловко сунул в руку д'Ибелена маленький деревянный тубус, в каких обычно хранят важные документы.

В тубусе лежал намотанный на полированную кедровую палочку кусок светло-желтого шелка размерами две ладони на две, с нанесенными на нем очертаниями Палатийского мыса, далеко врезавшегося в воды бухты. Там и сям были разбросаны многочисленные строения, изображенные в виде прямоугольников. Ближе к окончанию мыса здания стояли особенно плотно. Прямо в их скопление вонзалась тонкая красная стрелка. Выполненная скорописью подпись на греческом туманно сообщала: «Зверинец, одноглавый храм, золотые кони. Внутренний двор с фонтаном в виде прыгающих рыб».

– Не много, – признал Дугал. По мнению д'Ибелена, «не много» было совсем не подходящим словом. Конфидент отправлялся в полнейшую неизвестность. Уже одно это вынуждало барона Амори признать, что его спутник, несмотря на многочисленные недостатки, зловещее свое ремесло лазутчика изучил в совершенстве.

...Отсюда, с покатой крыши неизвестного здания, Палатий представал скоплением малых и больших построек, старых и новых, обросших за столетия вспомогательными помещениями и связанных воедино многочисленными галереями и переходами. Свет факелов смутно вычерчивал их контуры, кое-где приглушенно светились полукруглые окна – многолюдный

людской муравейник к ночи затихал, но полностью в сон не погружался никогда. Где-то в этом лабиринте скрывался его господин и повелитель... Знать бы только, где именно.

«Вон там – городские врата, Халкидия. Вон там и там – море, – определившись со сторонами света и направлениями, Дугал выбрался на гребень крыши и пошел, осторожно переставляя ноги и стараясь не зацепиться за острые выступающие края черепицы. – Надо двигаться вглубь дворца, вон туда».

Крыша закончилась, началась другая, тянувшаяся чуть ниже. За ней началась следующая, и еще одна, и еще. В конце концов скотт забрел довольно далеко – огневое зарево над Константинополем сместилось вправо и потускнело, отгороженное качающейся завесой древесных крон и дворцовыми стенами. Зато возник первый из обозначенных на шелковом свитке ориентиров: в темноте приглушенно рыкнула огромная кошка, ей ответил тоскливый волчий вой. Вот и зверинец. По соседству с ним еле различимо переливается золотыми искорками под лунной одинокий храмовый купол. Дугал не отыскал только внутренний двор с фонтаном и золотых коней, но уже не сомневался – он поблизости от нужного места. Поймать бы кого осведомленного, оттащить в уголок потемнее... А если заорет? Прикончить?

Безопасное странствие под ночными небесами завершалось – следовало присмотреть хорошее место для спуска.

Вскоре на глаза попало именно то, что нужно – выступающая горбом крыша балкона или крытой террасы, поддерживаемая пузатенькими колоннами. С балкона лился тусклый свечной отсвет – должно быть, через приоткрытую дверь.

Соскользнуть по колонне, словно нарочно для этого приспособленной, было плевым делом. Перемахнув низкое ограждение, Дугал оказался на крошечном балконе, куда выводила не дверь даже, а просто арка, обрамленная чередованием белых и красных полос, и занавешенная нитями разноцветного бисера. Незванный гость постоял, запоминая приметное место – высившуюся в ночи по левую руку башню с мерцающим огоньком на вершине.

Держась ближе к стене, кельт шагнул в низкий дверной проем со скругленным верхом и тут же налетел на кого-то, вышедшего из незаметного бокового прохода.

Обитатель дворца успел только слабо пискнуть «ой», прежде чем ему зажали рот ладонью и втокнули в первое попавшееся на глаза укрытие – свисавший тяжелыми складками огромный гобелен.

За гобеленом было пыльно и пахло мышами.

* * *

Пленник оказался женщиной. Невысокий рост, хрупкое сложение и тонкие запястья, которые Дугал без труда удерживал одной ладонью. Длинная коса незнакомки оказалась плотно зажата между незванным гостем и его жертвой.

Четыре из десяти представительниц слабого пола, оказавшись на ее месте, принялись бы рыдать, взывая к Господу и умоляя о милосердии. Три непременно упали бы в обморок. Две принялись бы визжать, кусаться и рваться на свободу. Эта стояла спокойно, даже не пытаясь вырваться. Ночная тишина мирно струилась мимо, не нарушаемая ни звоном доспехов приближающейся стражи, ни воплями о помощи.

Шотландец терпеливо выждал не менее полусотни ударов сердца. Ничего не происходило, только пленница чуть слышно чихнула от набившейся в нос пыли.

– Начнешь орать – сверну шею, – как можно грознее прошипел в невидимое ушко Дугал. – Поняла?

Находившаяся где-то у него под подбородком головка жертвы чуть заметно наклонилась вперед – поняла. Дугал осторожно отвел ладонь от зажатого рта женщины – криков не последовало. Зато донесся еле слышный шелестящий шепот:

- Простите, сударь... вам непременно нужно меня убивать?
- Вообще-то нет, – признал Дугал.

По всему выходило, он изловил не служанку, а благородную даму – шелковые одежды, от волос пахнет чем-то сладким и приятным. Фрейлина, наверное. Или как они здесь, в Византии, называются. Шла подышать ночным воздухом не то поджидала кого-нибудь на балкончике. Заставить добычу отвести его в укромное место и там расспросить? От женщин обычно мало проку. Она его не видела, описать не сможет. Аккуратно придушить и спрятать за гобеленом? Очнется через час, поднимет шум...

Пленница, чья судьба решалась, осторожно пошевелилась. Вновь прозвучал вежливый шепот:

- Еще раз простите великодушно... Тогда что вы намерены со мной сделать?
- Я еще не придумал, – огрызнулся шотландец.

– А-а. Извините, – женщина смолкла. Дугал невольно фыркнул: столь диковинных особ ему еще не попадалось. Ее держит в плену подозрительный тип, явно проникший во дворец незаконным путем, а она преспокойно интересуется, что он собирается с ней сделать! Изнасиловать и прирезать, что ж еще! Или похитить и продать в гарем султану Саладину!

Но не торчать же за пыльным ковром до скончания веков! Вдобавок Дугалу самому ужасно захотелось чихнуть.

Конец размышлениям положило извиняющееся замечание пленницы:

– Тут скоро стража пройдет, с ночным обходом... Я уже сколько раз просила не громыхать под дверью посреди ночи, но меня никто не слушает...

– Стража – это плохо, – согласился шотландец. – Ты кто будешь, милая? Случаем, не императорская фрейлина?

– Можно сказать и так, – после еле заметной паузы откликнулась женщина.

– Зовут-то тебя как? – решив не запугивать добычу более необходимого, Дугал уточнил: – Знаешь, пожалуй, не стану я тебя душить. Мне бы просто узнать, куда меня занесло в вашем муравейнике. После чего мы мирно расстанемся.

– Я Анна, – представилась невидимая в загобеленной темноте незнакомка и простодушно осведомилась: – Вы, сударь, кто – грабитель, убийца или соглядатай? Хотя соглядатаем вы быть не можете. Тот бы точно знал, где находится и куда идет.

Скотт все-таки не удержался от произвольного смеха. Несуразная дама, носившая самое распространенное в Империи имя, поневоле вызвала симпатию. К тому же казалась сообразительной.

– И что, тебя не пугает компания вора или убийцы? – подпустил в шепот угрозы шотландец.

– Пугает, но не очень, – подумав, ответила госпожа Анна. – С убийцами я уже сталкивалась. С грабителями пока нет, – шепоток стал чуточку смешливым: – К тому же вы столь благородно разрешили мне говорить... и я могу позвать на помощь.

– Убью, – посулил Дугал. Прозвучало неубедительно.

– Только вам совсем не хочется этого делать, – догадалась женщина, практически добавив: – К тому же придется прятать мои останки. А дворца вы не знаете. Вас заметят стражники, поймут и посадят в тюрьму.

Дугал встретил ее предположение презрительным хмыканьем. В пыльный закуток долетел пока еще еле различимый, но постепенно приближающийся размеренный топот дворцовой стражи. Кто их знает, вдруг среди дозорных попадется особо бдительный олух? Сунется проверить, что там за подозрительное шевеление... Но довериться женщине, обитательнице Палатия? Дернет украдкой за потайной шнурок, и к ней на выручку сбежится половина дворца. Не зря же византийское коварство вошло во все поговорки Востока и Запада.

– Вы, конечно, вольны мне не верить, – боязливо подала голос Анна. – Только я вовсе не заманиваю вас в ловушку. Видите ли, ежели нас обнаружат, мне придется несладко. Никто не поверит, что я – всего лишь невинная жертва проникшего во дворец злоумышленника.

– Ладно. Показывай, куда идти, – Дугал выпустил запястья женщины. Доводы звучали разумно. В здешней змеиной яме никто никому не доверяет. Затолкают в камеры по соседству, как соучастников.

Проем, из которого столь невовремя появилась фрейлина, выводил в темный узкий коридор, скудно освещенный висящими на стенах светильниками в бронзовых чашах. Шагов через пять женщина свернула налево, на ходу посоветовав через плечо: «Пригнитесь».

Жилище палатийской дамы выглядело не слишком богатым. Небольшая комната со сводчатым потолком, расписанным пышными соцветиями, и полукруглыми зарешеченными окнами. Накрытые коврами сундуки и широкие лавки вдоль стен, низкие шкафчики. Круглый стол под бархатной скатертью, вычурный шандал с парой прогоревших свечей. Раскрытая посередине толстенная книга, придвинутые к столу тяжелые табуреты резного дерева. Большая стоячая рама с отрезом атласа и неоконченной вышивкой – какая-то библейская сцена. В дальнем углу трепетно мерцают лампы перед иконами в тяжелых золотых окладах и, перекликаясь с ними, потаенно светятся угли в жаровне. Дверь, прикрытая отрезом полупрозрачной ткани, ведет в соседнее помещение или помещения.

– Господин не из здешних краев? – с легким удивлением отметила женщина, доставая толстую свечу и зажигая ее от догорающей. – Для иноземца вы говорите на удивление правильно («Льстит ведь, – грустно отметил Дугал. – Сам знаю, два слова выговариваю верно, на третьем ошибаюсь»).

Свечной фитиль затрещал, разгораясь и наполняя комнату желтыми бликами. Госпожа Анна обернулась, безбоязненно разглядывая человека, нарушившего привычный уклад ее жизни.

Навскидку Дугал оценил возраст незнакомки лет в двадцать или немногим меньше. Вынести суждение относительно ее фигуры не позволяло просторное одеяние бледно-голубых и синих тонов, обильно расшитое у ворота и по подолу золотой нитью. Крошечные золотые искорки поблескивали и в перекинутой через плечо толстой темно-каштановой косе. Византийка могла считаться весьма привлекательной особой – правильные черты миловидного личика, острый носик и яркие глаза с поволокой. Как заинтересованно отметил Скотт, природа наградила госпожу Анну глазами светло-серого, пепельного оттенка.

Общее впечатление от увиденного получалось двойственным. Вроде бы дама, приятная во всех отношениях – однако на всем ее облике, как паутина на статуе, лежит отпечаток тщательно скрываемой, безысходно-тоскливой печали. Люди в подобном состоянии духа плывут по течению жизни, не пытаясь ее изменить, принимая и доброе, и злое со стоическим равнодушием.

Что-то произошло с юной и хорошенькой женщиной, обратив ее в прихваченное морозом, равнодушное к собственной участи создание. Причина могла быть какой угодно. Пережитая война, гибель родных, похищение из дома и далее до бесконечности.

Гостеприимным жестом предложив полуночному гостю садиться, госпожа Анна пристроилась на краешке одного из табуретов. Подняла очи в длинных ресницах, густо начерченных по здешнему обычаю, и благовопитанно осведомилась:

– Так что вы намеревались похитить? Если хотите проникнуть в дворцовую сокровищницу, предупреждаю сразу – это невозможно. Где хранится диадема базилевсов, я тоже не знаю. Правда, у меня имеются украшения.

– Оставь себе, – великодушно разрешил Дугал. – Скажи лучше вот что...

«Где ночует ваш император?»

Вместо заранее подготовленного разумного вопроса с языка сорвалось совершенно неуместное:

– Другая на твоём месте не была бы столь доверчивой. Вдруг меня подослали враги вашего правителя? Или кто-нибудь, желающий навредить тебе?

Женщина повела рукой – взлетел и опустился широкий рукав:

– Если вы шпионите для кого-то – я не знаю никаких тайн. Если вам велено испытать мою верность трону – я не сказала ничего противоправного. Единственный мой проступок кроется в том, что, обнаружив ваше появление, я не кликнула стражу. Но я испугалась. Вы же грозились меня убить, – она слегка потупилась и добавила: – Только я не думаю, что вы подосланы. Тогда бы вы вели себя совершенно по-другому. Ко мне уже присылали таких... проверять. Скорее всего, вы именно тот, за кого себя выдаёте – то есть грабитель.

Дозор – числом не менее пяти человек – бодро прогрохотал по коридору, задержался у выхода на балкон и шумно потопал дальше.

– Иногда они суются и в жилые покои. Якобы удостовериться, все ли в порядке, – озабоченно сказала госпожа Анна. – Я их прогоню, но подозрения все равно возникнут... Вам нужно что-нибудь маленькое и ценное? К этому зданию примыкает галерея, ведущая в Старый римский павильон. Его легко узнать – перед ним расположен большой фонтан, утыканный мраморными рыбами. Там хранится собрание древних монет и разные драгоценные безделушки.

– Гм... А что, наведаясь, посмотрю, – грустная фрейлина могла оказаться кладёзем полезных знаний, но Дугалу внезапно расхотелось задавать ей вопросы. Уходить, что самое странное, тоже совершенно не тянуло – хотя полуночное сидение в гостях могло скверно закончиться. У госпожи Анны наверняка есть прислуга, которая запросто может сунуться к хозяйке за приказаниями, наткнуться на незнакомого человека и завизжать. Или промолчать, вымогая у госпожи оплату своего безмолвия. – Ты... ты это... не ходи за мной. Я и сам могу найти обратную дорогу. Ты никого не видела и ничего не слышала, поняла?

– Да, – послушно кивнула женщина. Кельт уже перешагнул через порог, когда в спину ему долетело робкое:

– Кирие... Я понимаю, наверняка это очень опасно... Но если вы снова наведаетесь сюда... И если вас не затруднит... Навестите меня. Представить не можете, какая здесь скука!

«Зайду, как не зайти, – бормотал про себя самозванный грабитель, вновь карабкаясь на горбатую крышу, выложенную мелкими черепицами. Лунный серпик передвинулся ближе к морской поверхности, извещая мир и его обитателей о том, что ночь давно перевалила за середину. – Скучно ей, видите ли. Зато мне несказанно весело. Диковинная девица, надо признать. Тихая какая-то, запуганная. Несладко ей тут живётся. У здешней императрицы, наверное, характер ещё тот – подай, принеси, этого желаю, того не хочу. Будь у меня больше времени... Слово за слово, глядишь, и познакомились бы поближе. Нет. Меня зачем в Палатий посылали – фрейлин обхаживать? Да и как сызнова отыскать её в эдаком лабиринте?»

Слова были правильными, размышления здравыми и абсолютно верными. Долг превыше всего.

Вот только следующей ночью по крышам дворцов Палатия прошмыгнула стремительная тень. С поразительной ловкостью съехав по одной из колонн вниз, непрошенный гость юркнул в полосатую арку и сгинул.

* * *

Близилося Рождество.

В преддверии светлого дня на рыночных площадях всю торговали миртовыми и оливковыми ветвями. Во всех столичных храмах непрерывно служили молебны, вознося хвалы Отцу, Сыну и Святому Духу. Неумолчно трезвонили, заливались громкой медью и бронзой

колокола – в кварталах Константинополя, в Хризополе и Халкидоне, городах-соседях за Пролливом. На Ипподроме посетителей впускали за половинную цену, чернь и бедняков – бесплатно (правда, только на худшие места наверху и на лестницы в проходах). Базилевс со свитой совершил традиционный торжественный проезд по городу, омраченный злонамеренными выходками неких личностей, выкрикивавших Порфирородному хулы и поношения, а также прицельно швырявшихся в сторону кортежа гнилыми овощами и камнями.

Семейство, сдавшее сарай заезжему франку, готовилось праздновать. На дверях дома прикрепили пальмовые листья и виноградную лозу, глава семьи лично приобрел на торжище здорового гусака. Будущий рождественский ужин ковылял по двору, шипя, что твоя арабская кобра. К постояльцу зловредная птица приближаться более не решалась, ибо утром тот отвесил гусаку безжалостного пинка.

Дугал Мак-Лауд сидел на покосившемся крыльце своего обиталища, размышляя о прервратностях жизни.

Пару дней назад конфиденнта пожелал узреть д'Ибелен. Сухо осведомившись о состоянии дел и получив в ответ бодрое: «Все готово!», барон Амори пожевал тонкими губами и назначил срок – после здешнего Рождества. Скотт встрепенулся, пристав к работодателю с настойчивыми расспросами: что ждет Империю с кончиной правителя? От прямого ответа Амори всячески увиливал, косился на подчиненного с подозрением, а под конец и вовсе резко велел не соваться, куда не надо.

Мысли, толкавшиеся в голове бывшего лазутчика Римской курии, были непривычными, никогда прежде не посещавшими его беспокойную голову.

«Вот живу я, человек, одно из многих созданий Божьих. Меняю имена, города, страны, покровителей. Никому ничем не обязан, никаких долгов, никаких обещаний. Встречаюсь с женщинами, бросаю их. Завожу друзей и покидаю, не прощаясь. Беспокоюсь только о сегоднешнем дне. А потом меня заносит на другой край земли... И внезапно начинаешь задумываться: куда бежал все эти годы? К чему стремился? Вроде бы всегда среди людей, но всегда один... Не пора ли остановиться?»

Порой Дугалу казалось, будто за его спиной дребезжаще хихикает покойный дедушка Бран Мак-Лауд. Седая голова почтенного старца одобрительно трясется: мол, внучек, ничего иного я от тебя не ждал. Учинять мятеж – так по всей провинции, воровать – так императорскую корону, влюбляться – так не меньше, чем в королеву. Не посрамил семейных традиций!..

«Да если бы мне кто-нибудь заявил, что я буду без малого две седмицы таскаться к женщине заради того, чтобы говорить с ней ночь напролет... Я б такого болтуна прикончил на месте. Чтобы впредь не трепал мое доброе имя своим паршивым языком. Господи, все куда хуже, чем в какой-нибудь слезливой балладе. Не-ет, с меня довольно. Дождусь Рождества, выполняю договор и мы делаем отсюда ноги. Именно „мы“ – я и Агнесса. Остальные могут отправляться прямиком к дьяволу, выстраиваться в очередь и целовать его под хвост. Да-да, все без исключения – и Амори д'Ибелен, и мессир Конрад, и кесарь Андроник, и король Ричард вкупе со своей матушкой...»

...Третий или четвертый визит Дугала в обитель византийских правителей совпал с каким-то празднеством. Палатий гудел – повсюду ярко пылали факелы и лампы, по лестницам и галереям металась прислуга, из окон доносилось слаженное струнное бряцание и громкие голоса, декламировавшие нечто торжественное. По садовым аллеям чинно прогуливались пары и компании придворных.

Из-за многолюдья добраться до знакомых мест оказалось намного труднее, чем обычно. Балкончик пустовал, в жилых покоях дым стоял коромыслом. Незванный гость расслышал женскую болтовню, топот босых ног, сердитые окрики и шелест ткани.

Заполотенная суэта длилась с четверть часа, потом все стихло: обитательницы здания удалились. Шотландец беспрепятственно достиг покоев своей знакомицы, обнаружив там уйму

разбросанных прямо на полу разноцветных нарядов, выстроившиеся на столе открытые шка-
тулки с украшениями и пару хлопочущих служанок. Пришлось затаиться, ожидая, пока вза-
хлеб трещащие девицы наведут порядок и сгинут.

«Анна вполне может вернуться под утро. Или вовсе не придти. Оставаясь здесь, я здорово
рискую».

Но Дугал все-таки решил подзадержаться. Уж больно много людей околачивалось в садах
и около дворцовых построек. Не станут же они буянить ночь напролет, рано или поздно уго-
монятся. Они ведь благовоспитанные ромеи, не какие-нибудь европейские варвары.

Скотт побродил по опустевшему жилищу госпожи Анны, перебирая принадлежащие ей
драгоценные вещицы и по въевшейся в кровь привычке решая, сколько они могут стоить. Неко-
торые безделушки вполне могли обеспечить безбедное существование небогатому семейству.
Собрание книг на полках тоже наверняка обошлось в кругленькую сумму. Настоящее стеклян-
ное зеркало – вообще истинное сокровище. А вот своей вышивкой фрейлина пренебрегает. За
столько дней не добавила ни единого стежка.

В коридоре зашелестело, быстро зацокали по мрамору каблучки и зашлепали плетеные
сандалии. Разгневанный женский голос повелел: «Идите прочь, кому сказано! Нет, мне ничего
не надо! Елена, оставь меня в покое!..»

Торжества не доставили хозяйке покоев удовольствия. До слуха находившегося в сосед-
ней комнате Дугала долетел короткий сдвленный всхлип.

– Это я, – вполголоса предупредил он, боком протискиваясь в слишком узкую и низкую
дверь. – Смотрю, у вас нынче веселье...

Недоговоренная фраза повисла в воздухе.

Госпожа Анна застыла посреди комнаты, уронив руки и напоминая ожившее изображе-
ние византийской святой (хотя, по мнению кельта, святые подвижницы никогда в жизни не тас-
кали на себе такого количества золота и драгоценных камней). Торжественно и мрачно сияли
иссиня-фиолетовые шелка, радужным огнем искрилось лежавшее на плечах женщины широ-
ценное ожерелье. Над высокой прической лунным полумесяцем горел узкий серпик алмазной
диадемы. Миловидное личико исчезло, заменившись белой алебастровой маской с тщательно
прорисованными бровями, удлинненными до висков глазами в черных тенях и алым пятном губ.

– Вот оно как, – без всякого выражения протянул Дугал.

– На колени падать будешь? – высоким, звенящим тоном осведомилась молодая жен-
щина. – Каяться в оскорблении величества? Уверять, что впредь никогда и ни за что? Биться
головой о стену и просить о милосердии?

– Вот еще вздумала, – опомнился шотландец. – На колени ей падай! Ввела честного вора
в заблуждение и возмущается! «Я Анна», – весьма схоже передразнил он. – Здесь которую не
спросишь, каждая вторая девица – Анна!

– На себя посмотри, – отпарировала госпожа Анна Комнина. – Данни – не имя! Я узна-
вала, у франков таких не бывает!

– Зато мне нравится, – положил конец спору кельт. – И вообще, почему ваше импера-
торское величество не украшает своей особой гулянку в честь седьмой пятницы на неделе?

– Не могу больше, – обведенные алой краской губы беспомощно задрожали. Осторожно
присев, Анна попыталась обеими руками извлечь диадему из прически. Украшение удержи-
валось десятком глубоко воткнутых в локоны шпилек, и женщина тихо ойкнула. – Пусть высо-
кочтимый супруг завтра сколько угодно выражает неудовольствие моим дурным поведением.
Надоело. Я есть – и меня словно бы и нет. Пустое место. Еще одна статуя для украшения зала.

Она дернула усеянный камнями серпик и вытащила таки, пожертвовав несколькими
длинными прядями.

– Ну перестань, – Дугал спас прическу от дальнейшего надругательства, одну за другой выудив застрявшие шпильки. – Наверняка все не так скверно, как тебе кажется. Ты ж, как-никак, императрица византийская.

– Конечно, – в задумчивости покивала госпожа Анна. – Теперь еще напомни, сколько женщин мечтают оказаться на моем месте. Знаешь, я охотно поменялась бы с ними. Пусть они пылко ублажают семидесятилетнего старца, а потом ночь напролет прислушиваются – не крадется ли кто по комнате. Я не просила такой судьбы. Но разве меня спрашивали? Два правителя, франкский и византийский, давным-давно заключили соглашение. Дальше все было, как в сказках: маленькую принцессу посадили на корабль и через моря повезли в далекий Константинополь. Мне тогда было лет шесть или меньше.

– Разве ты не ромейка? – искренне удивился Дугал. Рассказывая конфиденнту о здешней императрице, Д'Ибелен упустил из виду это обстоятельство. Видимо, решил, тот и так знает.

– Я родилась в Европе, – женщина зажмурилась и уточнила, с запинкой выговорив название: – В Аквитании. Там у меня было другое имя. Здесь меня окрестили заново и велели запомнить: отныне я Анна.

– Как же тебя звали раньше? – в собственных фальшивых именах шотландец еще не путался, но за десять лет их набралось довольно много...

– Агнесса, – с растерянной улыбкой призналась базилисса. – Д'Эвре.

– Агнесса д'Эвре, – повторил кельт, решив: – С этого дня перестаю называть тебя Анной. Будешь Агнессой.

– Хорошо, – покладисто согласилась византийка. Прислушалась к долетающим снаружи выкрикам и нахмурилась: – Не пойду к ним. Противно. Поможешь с этой обузой? – она встряхнула кистями рук, заставив многочисленные браслеты тоненько зазвенеть, и щелкнула ногтями по тяжелому ожерелью. – Я похожа на ювелирную лавку, верно?

Жизнь в Палатии все-таки научила молодую императрицу полезным уловкам. А может, на душе у нее было так скверно, что общество подозрительного знакомого показалось ей лучше долгой одинокой ночи.

Или просто оба понимали: они не в силах ничего изменить.

Как и во время памятного знакомства за пыльным гобеленом, она не стала вырываться и тем более звать на помощь. Расшитые золотом дорогие шелка скользили вниз и шелестящими кучками падали на пол. Жалобно звякнув, к ним присоединилось ожерелье. Под своими просторными одеяниями Агнесса оказалась не хрупкой угловатой юницей, но девой весьма приятного сложения, гибкой и фигуристой. Она по-прежнему молчала, только сильнее прижималась к стоявшему рядом мужчине – словно боясь того, что он исчезнет.

Дугал на руках отнес ее в спальню – маленькую, полутемную, с низким потолком, почти целиком занятую широкой кроватью. Целовалась Агнесса с каким-то жадным иступлением, в любви была не слишком искушенной, зато щедрой и покорной. И очень, очень тихой – только в самом конце еле слышно простонала, долго и сладко: «Да-анни...»

Именно тогда шотландец осознал одну простую мысль: он разобьется в лепешку, но изыщет способ забрать Агнессу отсюда. После Рождества, когда все будет кончено. Она не станет безмолвной пешкой в играх Конрада, Ибелена и прочих сильных мира сего. Императрица Анна Комнина исчезнет, на свет появится Агнесса д'Эвре. Надо только дожить до здешнего Рождества. До которого осталось чуть больше двух недель.

Собственно, все последующие встречи Дугал потратил на убеждение своей дамы. Скотт проявил чудеса красноречия, дал уйму обещаний (порой совершенно неисполнимых), но добился только робкого «Может быть... Я не знаю».

Анне-Агнессе никогда в жизни не доводилось принимать самостоятельных решений. Императрица великой Византии панически боялась. Всего без исключения: собственных внезапно вспыхнувших чувств, разоблачения, злых собак, огромного мира за пределами дворца.

Но больше всего – мыслей о том, что в одну прекрасную ночь загадочный и непонятный человек, разрушивший ее позолоченную клетку, больше не придет.

Назначенный д'Ибеленом срок меж тем неумолимо приближался.

Глава пятая Линия судьбы

25 – 26 декабря.

В невообразимо далеком Лондоне, столице королевства Английского, начались Рождественские празднества. Неслышно сыпался с низких серых небес белый снег, мелодично перезванивались колокола, служились благодарственные молебны, шумели за праздничными столами гости. На дверях любого жилища – от замка до бедняцкой хижины – появились традиционные ветви вечнозеленых остролиста и тиса. Спаситель вновь пришел в грешный мир, и многие смертные уповали на то, что следующий год окажется не в пример лучше предыдущего.

Константинополь, столицу Византийской империи, заливало дождем. Налетевший с Черного моря холодный шквалистый ветер метался по улицам, срывая с деревьев уцелевшие листья и гоняя мусор. Частые струи назойливо барабанили по свинцовой черепице. Рычала сливающаяся в клоаки мутная вода, и до здешнего Рождества оставалось двенадцать дней. Мессир Гай Гисборн весьма удивился, узнав, что греческое летоисчисление так сильно разнится с принятым на его родине. Лев Треда объяснил франку причины, ссылаясь на разногласия между папой Григорием Гильдебрантом, установившим канон отсчета дней и лет для жителей Европы, и императором Юлианом, не пожелавшего следовать римскому порядку. Сэр Гисборн смиренно выслушал, кивая, но мало что понял.

Он задремал под рокот ливня и очнулся под монотонный шуршащий звук капель, стекающих по промасленному отрезку шелка в полукруглом окне. Представшие рассеянному взгляду Гая предметы остались неизменными: шелковый золотистый балдахин в россыпи бирюзовых цветов и четыре поддерживающих его витых столбика. Дальняя стена, потрепанный арабский ковер в темно-алых и черных тонах. Ближняя стена с окном, сквозь которое проникает немного света и доносится мерный шум ливня.

Четвертый день он безвылазно жил в этой комнате, не испытывая ни малейшего желания покидать ее или раскаиваться в недостойном рыцаря поведении. Четвертый день сумасшедшего, какого-то языческого счастья.

Четыре дня и ночи, проведенные рядом с Изабель. С Зоэ – таким оказалось ее настоящее имя. С Зоэ из рода Склиров – Зоэ Склиреной.

Нынешним сереньким утром Гай наконец-то проснулся самостоятельно, а не от тычка острым локотком в бок. Зоэ спала. Во сне подвижное личико ромейки сделалось очень спокойным и строгим. Почему-то она казалась старше своих законных лет.

Беззвучно ухмыляясь, мессир Гисборн осуществил давно задуманную маленькую месть. Вытащил из кошель и аккуратно пристроил на узорчатой подушке Зоэ четыре тускло блестящие монеты с изображением восседающей на троне фигуры. Закрыв глаза и прикинулся спящим, на всякий случай приготовившись к поспешному бегству в дальний угол комнаты и оброне от разъяренной девицы.

Рыжая сонно заворочалась, наткнулась ладонью на холодную монетку и мгновенно очнулась. Имелась у ромейки такая полезная способность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.